

Искорка

ТАХМАНИЙ КОМ

АВГУСТ • 1971

год издания XV

газеты
«Ленинская
искра» -
орган
Ленинградского
Обкома и
Горкома
ВЛКСМ,
Ленинградского
Совета
пионерской
организации
имени
В.И.Ленина

Миразиз АГЗАМ

Мы, пятнадцать друзей,
Подружились в Артеке.
Мы, пятнадцать друзей,
Подружились навеки!
Пусть различен у нас
Цвет волос, глаз и кожи, —
Нас водой не разлить,
Мы сердцами похожи!
Мы на всех языках
Слово «мир» понимаем,
Мы в компанию к нам
Всех ребят принимаем!
Если вместе мы все —
Даже небо синее!
Если вместе мы все —
Чувство локтя сильнее!
Счастьем быть на века,
Быть планете зелёной!
Нас пятнадцать друзей,
Будет нас —
Миллионы!

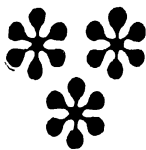
ЗОЛОТЫЕ СТРУНЫ

День сегодня необычно весел,
 И в арыках серебрятся струи!
 — Папа, папа, кто с утра повесил
 На тутовник золотые струны? —
 Тронул я одну струну рукою
 Но она молчала,
 Не звучала.
 Ничего не вышло и с другою.
 Третья тоже петь не пожелала,
 Подоввал я дядюшку Юнуса:
 — Поиграй мне! —
 На тутовник глядя,
 Он рукою к струнам прикоснулся...
 Но не получилось и у дяди.
 Музыкантов я позвал к арыку,
 Но они сказали:
 — Всё напрасно,
 И Алимасумову Арифу¹
 Эти струны будут неподвластны.
 — Папа, папа,
 Расскажи, поведай,
 Что за чудо,
 Что это за диво?
 Не пойму я: если гусли это,
 Почему ж они
 Так молчаливы?
 — Сын мой, это солнечные струны,
 Их напев земле дарует чудо.
 От него цветёт тутовник юный,
 И колосья золотятся всюду.

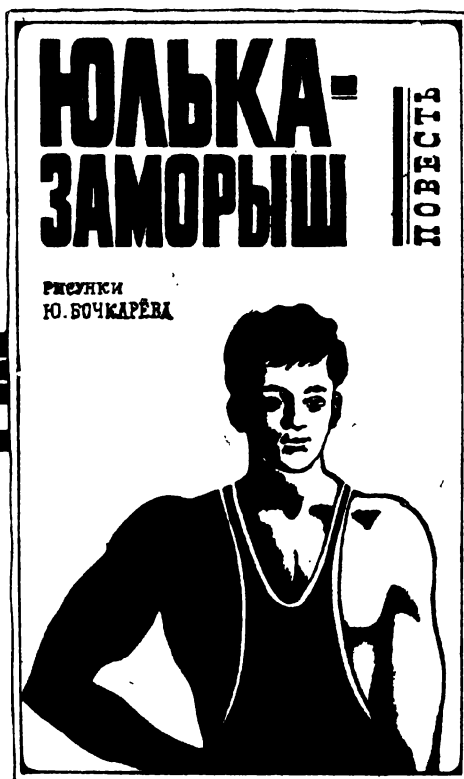
¹ Современный народный певец Узбекистана.

Авторизованный перевод
 с узбекского
 С. ВОЛЬСКОГО и С. МАКАРОВА.

Рис. Ю. Шабанова

Борис РАЕВСКИЙ

Глава V

ДЕМОБИЛИЗОВАННЫЙ

И всё-таки Юльке повезло.

Это всегда так бывает. Если что-то очень ищешь, в конце концов непременно находишь.

В тот день Юла собрался в школу пораньше. Договорился, что до уроков он у Веньки задачки по физике скатает.

Ну спустился по лестнице во двор, вдруг видит — что за цирк?

По асфальту вниз головой, на руках, ходит какой-то дядька. Смешной такой. Ну ладно бы, парень молодой. Нет, дядька уже солидный, даже с лысиной. Лет ему, наверно, тридцать. Если не больше.

И вот ходит он вниз головой, в тренировочных штанах и майке. И чует Юла, что поставил себе дядька цель. Задание. Обязательно весь двор вот так, на руках, обойти. Двор, правда, не ахти какой большой, но всё-таки. Это ж тебе не комната! Двор!

Стоит Юла, смотрит.

Продолжение. Начало в «Искорке» № 7 за 1971 г.

А дядька идёт, и идёт, и идёт... Ноги над собой то вместе держит, то стриждёт ими в воздухе, как ножницами. Обмерил так-таки весь двор. Опустился. Юльке подмигнул. Доволен.

Ну ясно. Когда какое-нибудь задание выполнишь — всегда приятно. Так уж человек устроен.

«Интересно, — подумал Юлька. — Откуда взялся этот циркач?»

Всех жильцов своего дома Юла вроде бы знает. А этого дядьку впервые видит.

Забавный, между прочим, дядька. На щеке у него шрам, как скобка. И ещё — зубы очень приметные. Железные. Все подряд — железные, ровные-ровные. И когда смеётся, кажется, у него их не 32 штуки, а все пятьдесят — так сверкают. Аж зайчики от них скачут.

Неужто он из какого-то другого дома специально утром к ним во двор забрался, чтобы вверх ногами походить? Странно.

Стоит Юла, размышляет, а лысый дядька меж тем взял гантели (они тут же, возле тумбы, лежали) и стал их поднимать, опускать и по-всякому ими размахивать. А гантели большие, чугунные.

«Наверно, в каждой штуковине килограммов пять, — прикинул Юла. — А может, и шесть. Очень даже просто».

А дядька вдруг, как нарочно, говорит:

— Алло, мальчик! Возьми-ка! — И небрежно так про-

тягивает ему гантели. Обе вместе. Чтобы он их, значит, на тумбу положил.

Ну Юла — пожалуйста! С радостью! Схватил чугунные эти чушки и чуть не присел. С виду-то они не очень уж... А тяжёлые — жуть!..

А дядька смеётся. Все пятьдесят зубов своих показывает. Рад. Это он, значит, пошутил.

...Пришёл Юлька в школу. Где уж там задачки списывать, — еле к звонку поспел. На уроке, урывками, шёпотом, рассказал Веньке про циркача этого. Откуда такой объявился?

Венька сидит с Юлой за одной партой. Сидит чинно и смотрит физику прямо в рот. Будто Венька весь — сплошное внимание. А сам левым ухом Юлу слушает. И шепчет:

— Всё понятно... Он в тридцать шестой квартире будет жить. Вместо бабки Насти. Он вчера переехал.

А! Теперь всё ясно.

— Он не циркач, — шепчет Венька, глядя прямо в рот физику. — Он офицер. Демобилизованный.

Ну Веньке можно верить. Он всегда всё знает.

И бывает же так: сразу как-то очень заинтересовал Юлу этот офицер. Хотя, казалось бы, чего он такого особенного сделал? На руках походил?

На следующий день Юла нарочно вышел из дому пораньше. И опять во дворе увидел ~~мис~~ этого офицера.

Тот прыгал через скакалку. Да, да! Как девчонка: крутил виту сине-жёлто-красную ве-

рёвочку и прыгал через неё. И на одной ноге, и на другой, и двумя вместе.

Юла немного удивился, но чинно сказал:

— Здравствуйте!

— Привет! Привет! — гово-

рит офицер, не переставая вертеть пёструю скакалку.

Потом опять стал махать гантелями, как прошлый раз. А Юла стоит возле тумбы, ждёт. Очень хочется ему с офицером поближе познакомиться. Но как?

Однако офицер, наверно, сам это почувствовал. Кинул гантели на землю, сел возле Юлы на тумбу. Передышка.

— Ну, — спрашивает, — как успехи в боевой и политической подготовке? — И скобка на щеке сжимается — разжимается.

А Юла отвечает:

— А мы, между прочим, с вами соседи.

— Да ну? — удивился тот и даже блеснул всеми своими железными зубами. Обрадовался, значит. — В самом деле соседи?

— Точно. Вы ведь — в тридцать шестой?

— Ага.

— А я — в тридцать седьмой. На той же площадке.

— Вот это здорово! — говорит дядька. И видно — рад. Не придушивается, а в самом деле рад. С чего бы?

— Понимаешь, — говорит лысый. — Ты собак любишь?

— Конечно, — отвечает Юла.

Кто ж собак не любит? У них в доме, правда, есть такой тип. Старик из сорок девятой. Ну тот зануда известный. Как выведет кто собаку, старик сразу ворчать начинает: безобразие, мол, развели вся-

ких тварей, от них одна грязь, да вонь, да бациллы.

— Если собак любишь, тогда и с моим Квантом подружишься. Так?

— Так! — обрадовался Юлька.

— У меня, сразу тебе скажу, есть тут прямой шкурный интерес. Мне иногда выгулять Кванта времени нет. А ты можешь. Согласен?

Ещё бы! Юла от радости чуть не запрыгал. Он давно мечтал занять хоть какую-нибудь собачонку. Хоть самую махонькую. Хоть дворняжку. Но мать сказала: «Только через мой труп». А когда она говорит: «Только через мой труп», значит, считай: всё. Крышка. «Комната одна. И так не повернуться. А ты ещё пса! Да и кормить нужно. И ухаживать за ним. Нет, нет! Только через мой труп».

А тут — так повезло.

— Квант у меня — дог, — говорит лысый. — Собакища — у-у! Красавец. Силач. И ростом почти с тебя. Одна только беда. — Он поманил Юльку к себе поближе и понизил голос. — По секрету. Как мужчина мужчине... Жена у меня Кванта не жалуется. Женщины, брат, такой народ. У них своя точка зрения...

— Ага, — сказал Юла.

— Что — ага?

— У моей матери тоже... Точка зрения... Насчёт собак.

— Ну вот видишь. Вообще-то у меня жена — молодчага. Но вот насчёт Кванта... И ещё

гантели... Тоже не уважает. Говорит: неинтеллектуально.

— Поэтому вы утром во двор и выскакиваете? Да?

— Угадал, брат. Ну да всё это мелочи. На дворе ещё и лучше зарядочку делать. Простор. И воздух. И не смахнёшь мимоходом какую-нибудь вазочку. — Он усмехнулся. — Я, брат, общим счётом уже четыре вазочки кокнул! Из них одну — хрустальную.

Он подмигнул и засмеялся. Юла тоже засмеялся.

— А теперь давай чин чинном познакомимся, — сказал офицер. — Только имя у меня, понимаешь ли, заковыристое. — Он поскрёб пальцем переносицу. — Зовут меня Гоэлрин.

— Как-как? — Юла никогда такого имени не слышал.

— Гоэлрин, — повторил офицер. — Это, понимаешь, у меня отец очень увлекался электричеством. А тогда в Москве был принят план ГОЭЛРО. План электрификации России. Вот отец на радостях и назвал своего первенца, меня то есть, Гоэллином. Но ты зови меня просто Григорием. Григорий Денисович. Понятно?

— Понятно.

— Заходи вечером, — сказал офицер. — Часов так в восемь. Я тебя с Квантом познакомлю. Идёт?

У Юльки от радости даже в горле перехватило. Он только кивнул головой. И умчался в школу.

Глава VI

СКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК СПИТ

Квант оказался не просто красавцем. Когда Юла познакомился с ним хорошенько, он твёрдо понял: другой такой собаки нет. Ну, может, где-нибудь на земном шаре и есть, но в Ленинграде, на ближайших улицах, не было ни одного пса, который мог хоть как-то соперничать с Квантом.

Дог был здоровяк с широкой, мощной грудью. Казалось, на нём можно запросто кататься верхом. Как на лошади.

— А зимой, — пообещал Григорий Денисович, — смастерим из ремней упряжь, сядись в санки и кати. Повезёт, как «Москвич».

А главное, Квант был умница. Он всё понимал. Всё-всё. Лишь не мог ответить. Впрочем, и ответить мог. Только не словами. В его больших выпуклых глазах было столько ума, столько доброты и спокойного сознания своей силы...

Утром, до работы, собаку выгуливал сам Григорий Денисович. А днём и вечером — Юла. Придя из школы, он быстро разогревал обед, оставленный матерью, быстро съедал его и шёл в соседнюю квартиру. Звонить не требовалось: Григорий Денисович дал ему ключи и от квартиры и от комнаты.

Едва Юла открывал на лестнице входную дверь, он уже слышал, как в комнате громко, радостно лает Квант.

Он ждал Юлу, звал его!

Как только Юла входил в комнату, Квант в восторге бросался ему на грудь.

А потом они неторопливо шли по улицам, и Юла видел, с какой завистью глядят на него все встречные мальчишки. Да чего там мальчишки! Редко кто из взрослых мог равнодушно пройти мимо Кванта.

Однажды идёт вот так Юлька по улице, а впереди Квант вышагивает — медленно, величаво, ну не собака, а царь зверей.

А навстречу — Женя.

— Ох, — кричит. — Какая прелесть!

И прямо с ходу бросается ласкать Кванта. Гладит его морду, за ухом чешет, чуть не целует.

— Осторожно! — говорит Юла.

А сам удивляется: обычно прохожие поглядывают на Кванта с опаской — здоров уж больно! А тут — девчонка, и на тебе! — прямо чуть не в пасть незнакомому псу лезет.

— Ох! Чудный какой! — не отстаёт Женя. — А я и не знала, что у тебя есть собака. Это дог? Да? Дог?

— Дог, — отвечает Юла. — Но не мой.

И объясняет, чья это личная собственность.

— И ты каждый вечер его выгуливаешь? Ой, как чудесно! — воскликнула Женя. — Можно и я с тобой? Я не помешаю. Можно?

Юлька пожал плечами. Вообще-то ему очень даже приятно была эта просьба. Но не показывать же, как он рад.

Уже на следующий вечер они прогуливали Кванта вдвоём. И оказалось, вдвоём куда лучше.

Юла то и дело украдкой поглядывал на Женю. Лицо у неё было странное. То есть вообще-то не странное, но оно как-то очень быстро менялось. Нахмурится Женя — одно лицо, улыбнётся — совсем другая девчонка, задумается — и опять вовсе непохожая.

Сразу выяснилось, что Женя очень любит животных. И знает про них много такого, чего Юлька и слухом не слыхивал.

Они шли и шли за Квантом, и Женя всё говорила и говорила. Обычно Юлька не любила, когда много болтают. Но слушать Женю было интересно. И приятно.

— А ещё есть такие рыбы, — сказала она. — Дышат хвостом. Не веришь? Ну правда-правда. Они называются — ильные прыгуны. В иле живут.

Юлька покачал головой. Да, много удивительного на свете.

И Женя словно подслушала его мысли.

— Много удивительного, — сказала она. — И много обид-

ного. Один учёный подсчитал, что человек за свою жизнь, если полагать, что в среднем живут семьдесят лет, — так вот, за свою жизнь человек проводит двадцать три года во сне. Ну разве не обидно?! Двадцать три года дрыхнуть. Это же с ума сойти!

Юла засмеялся. Действительно многовато!

— А шесть лет человек тратит на еду. Подумать только: шесть лет жуёт. Как свинья! Обжора какой! А говорят — царь природы!

Они прошли к Малому, потом по набережной к Тучкову мосту, потом, избегая шумных улиц, повернули домой.

Ветер с шорохом гонял по панелям багряные и жёлтые листья. Такие же листья, уложенные в невысокие стожки, пылали длинной шеренгой вдоль всего бульвара. И от этих разбросанных повсюду осенних листьев чинные ленинградские улицы выглядели не такими строгими, чуточку даже деревенскими.

И пахли тихие улицы сейчас тоже не по-ленинградски: не выхлопными газами, не бензином, не перегретыми автомобильными шинами, а влажной корой оголённых деревьев, стылой водой и предыми листьями.

Всё было хорошо. И только одно портило настроение Юлке: он был ниже Жени. Он старался даже не идти с ней рядом, чтоб это не так бросалось в глаза. И всё-таки ему казалось, все прохожие ду-

мают: вот мальчишка, а дохляк. Девчонка выше его и сильнее. «А что? Женька, наверно, и впрямь сильнее меня», — подумал Юла. И сразу на душе стало кисло.

А тут ветер задул сильнее. И Женя, как нарочно, заботливо так говорит:

— Тебе не холодно, Юлий? Застегни куртку-то.

Будто он — дошколёнок. А она — мамаша.

— Нет, не холодно, — буркнул Юла. — И вообще... Запомни, пожалуйста, не терплю, когда обо мне пекутся.

Глава VII

ВОЛШЕБНЫЙ СОВЕТ

По утрам Юла вставал теперь ни свет ни заря. Мать сперва недоумевала. Что такое? Сама она поднималась в шесть. Поест, приготовит сыну завтрак и убегает на свой «Скороход».

А теперь Юла заявил:

— Ты перед уходом будильник ставь. На полвосьмого.

— Зачем в такую рань?

— Надо...

Ну потом рассказал матери. И про Григория Денисовича и про Кванта.

Теперь утром поест Юла быстро-быстро и во двор. А Григорий Денисович уже там. Сядет Юла на тумбу, смотрит, как Григорий Денисович «заряжается». Иногда во время перекура несколькими фразами перекинутся.

Так, между прочим, выяснилось, что Григорий Денисович преподает в институте. Есть, оказывается, такой предмет — сопромат. Это значит — сопротивление материалов. И вот Григорий Денисович как раз специалист по этому сопромату. Очень трудный, между прочим, предмет.

И вот однажды напрыгался досыта Григорий Денисович через скакалку, сел, говорит:

— Ну как? Заметно?

Юла брови поднял:

— Что заметно?

Григорий Денисович нахмурился:

— Ты эти дамские деликатности брось. Выкладывай прямо, как солдат солдату.

Юла даже обиделся:

— Вы про что, Григорий Денисович?

А тот вдруг почему-то обрадовался, Юлу за плечи обнял.

— Неужели, — говорит, — совсем не заметно? Ну с ногой моей? С левой ногой...

Тут только Юла вдруг прикрыл глаза и увидел... Отчетливо так увидел... Когда Григорий Денисович через скакалку прыгал, левой ногой он как-то чуточку странно двигал. Неловко. Будто больно ему ступать на неё.

— А! — говорит Юла. — Ушибли ногу, да?

Григорий Денисович враз помрачнел.

— Если бы ушиб... — вздохнул. Посидел на тумбе, помолчал. — Два осколка в ногу мне фрицы вlepили. В самом конце войны...

Он опять замолчал. Глядел в асфальт, будто видел там что-то интересное.

— Сперва думал, вовсе без ноги останусь. Шесть операций — понял? Ну а всё же ногу сохранили, но сгибалась еле-еле. И вот три года я с ней вожусь. Разрабатываю. Уже вроде почти в порядке. А всё-таки болит, проклятая. Особенно к непогоде. Получше любого барометра дождь предсказывает!

Юла сказал:

— А знаете, Григорий Денисович... Вы только не подумайте, что я хитрю. В общем-то, почти незаметно. Если б вы не спросили, я бы и не догадался.

Григорий Денисович опять обнял его за плечи:

— Хороший ты парень, Юлий. Добрый. И чуткий. Только не надо. Я ведь не барышня. В обморок от твоих слов не упаду. Да... Три года с этой чёртовой ногой вожусь. Пора бы ей уж вести себя прилично.

— А зубы? — вдруг спросил Юла. — Почему у вас зубы железные?

— Угадал, брат. Тоже фрицы... Ну да зубы — пустяк! Доктора новые вставили. Могу аж проволоку грызть!

Он громко щёлкнул металлическими челюстями и засмеялся. Но сразу снова стал серьёзным. Оглядел Юлу долгим, пристальным взглядом. Помолчал, словно раздумывая: говорить или нет?

— Знаешь, Юлий, — наконец медленно произнёс он. — Какой-то мудрец сказал: «Всякая победа начинается с побе-

ды над собой». Очень правильные слова. Ты вдумайся. А я пока гантелями займусь. — Он встал. — Всякая победа начинается с победы над собой, — повторил он. — Чтобы, например, Амундсену идти к Южному полюсу... Ему надо было, во-первых, преодолеть собственный страх, неуверенность. Преодолеть себя!..

«Преодолеть себя! — мысленно повторил Юла. — Наверно, не так-то это просто...»

Намахался Григорий Денисович чугунными гантелями, подошёл к Юле. Стоит возле тумбы. А потом говорит:

— Да... Всё решает сам человек. Только он. Его воля, стойкость его. Вот послушай историю. — Он оживился, заговорил быстрее: — Однажды затонул корабль. Двенадцать матросов оказались в шлюпке посреди океана. Ну положение, конечно, незавидное. Однако еды у них много. И воды — недели на две. И карта, и компас. А в океане пока штиль. Так что особо паниковать тоже нет причин.

Прошло три дня. Подобрало их какое-то судно. Но из двенадцати четверо уже умерли. Отчего? Ведь еда и питье были...

Григорий Денисович посмотрел на Юльку.

— От болезни? — подсказал тот.

— Нет.

Григорий Денисович нахмурился, и скобка у него на щеке резко сжалась. Исподлобья, в упор, кольнул он Юлу острым взглядом.

— От страха умерли. Ясно? Он замолчал.

Молчит и Юла, думает. Видит, как плывёт в огромном океане крохотная лодчонка. Гребут матросы. А у некоторых — глаза безумные, волосы всклокоченные. Лежат на дне лодки. Что-то шепчут. Молятся, что ли?

Да, история...

Потом поглядел на Григо-

рия Денисовича. Тот стоит возле тумбы. Высокий, крутоплечий, в тренировочных брюках и майке. Стоит — отдыхает. А лицо хмурое. Видно, тоже эту историю переживает.

Смотрит Юла на Григория Денисовича, на грудь его широкую, на плечи тяжёлые и вдруг говорит как-то почти неожиданно для самого себя:

— Ну и мускулатурочка у вас!..

А мышцы у бывшего офицера в самом деле завидные. Даже на спине так и ходят, перекатываются, желваками вздуваются. Ну а на руках и говорить нечего. Бугры.

— Не жалуюсь, — говорит Григорий Денисович. — А вот тебя давно хочу спросить. Ты чего это такой?.. — И запнулся.

— Дохлый? — подсказал Юла. — Да вы не смущайтесь. Я привык. Меня знаете как дразнят? Юлька-заморыш. А мать, когда жалеет, дистрофиком зовёт. Потому что я тут в блокаду...

— Понятно. — Григорий Денисович нахмурился. И скобка на щеке сжалась. — Я, — говорит, — не ленинградец. Но в блокаду как раз на Ленинградском фронте был. Так что всё это мне знакомо. Слишком даже знакомо...

И опять переносицу пальцем скребёт.

— Знаете, — говорит Юла. — Я вот однажды Али-Махмуд-Хана видел. В цирке. Знаете? Знаменитый силач турецкий. И вот я тогда подумал: если бы мне стать таким!.. Даже

хоть вполтину таким!.. Хотя на четверть! Я бы всё на свете отдал.

— Силачом стать? — переспросил Григорий Денисович. — Так это же проще простого.

Юла даже замер. Его большие, всегда словно удивлённые глаза ещё шире распахнулись.

— Шутите?

— Какие шутки! Вот тебе простой и абсолютно точный рецепт: пятнадцать подтягиваний. Пятнадцать утром и пятнадцать вечером. На чём хочешь: на дверном косяке, на суку, на воротах, на перекладине. Пятнадцать. И через год — запомни! — всего через год ты станешь вдвое сильнее.

— Через год?

— Да.

— Вдвое?

— Да.

— И вы это всерьёз?

Григорий Денисович поднял руку:

— Клянусь!

Юла в тот день просидел в школе все шесть уроков, но о чём говорили учителя, что объясняли, что спрашивали — он почти не слышал.

«Неужели всего за год?.. И вдвое?..»

Англичанка вызвала его к доске. С английским у Юлы вообще не очень клеилось. А сегодня тем более.

Он читал: «А boy»¹, а в голове мелькало: «Вдвое». Он читал: «Go out»², а в висках отдавалось: «За год».

Англичанка сказала:

¹ Мальчик (англ.).

² Выйди (англ.).

— What is the matter, Bogdanov? — И сама же перевела: — Что с тобой, Богданов?

Юла пожал плечами.

А на перемене вышел совсем конфуз. Юла шёл задумавшись и вдруг воткнулся во что-то мягкое, тёплое. Оказалось, это физик. Илья Николаевич был огромный, толстый, и Юла воткнулся ему не то в грудь, не то в живот.

— Рассеянность, конечно, свойство великих умов, — сказал Илья Николаевич. — Но ты всё же...

Юла извинился, ушёл, а в голове по-прежнему билось:

«Всего за год? И вдвое?»

Совет Григория Денисовича был такой простой... Как-то даже не верилось. Если всё так легко, почему же все люди, все подряд, не становятся силачами?

Конечно, Григорий Денисович не такой человек, чтобы зря трепаться. И всё-таки...

На большой перемене Юла увёл Веньку в «тупичок». Было у мальчишек такое тайное местечко в школе: в самом низу школьная лестница упиралась в железную дверь подвала. Дверь была толстая, массивная и всегда на замке. А возле неё — полутёмная удобная и скрытая площадка, тупичок. Учителя сюда никогда не заглядывали.

В тупичке Юла рассказал другу об удивительном совете Григория Денисовича.

— Интересно, — сказал Венька.

Задумался, привалясь спиной к железной двери.

— С одной стороны, вроде чуда... Как в сказке. За год — вдвое. А с другой стороны, в двадцатом веке наука уже доказала, что возможности человеческого организма бесконечны и неисчерпаемы...

— Слушай, философ, — перебил его Юла. — А то давай? Попробуем? Вместе...

Венька нахмурился.

— Ты же знаешь, Юла... У меня — лёгкие... И горло... И вообще, какой из меня силач? — Он махнул рукой.

— А из меня? — сказал Юла.

— Ну ты всё же...

Что «всё же», Венька не сказал. Да и не мог сказать. Оба они были «хлюпики», «доходяжки».

Всю ночь Юла ворочался в постели.

То видел Али-Махмуд-Хана и живую лошадь у него на плечах. То Витька Башня усмехался: «Ишь чего захотел, заморыш! А калган отвесить?» И смачно щёлкал Юлу по носу. То философ Венька печально размышлял: «Несправедливо устроена жизнь. Почему Башне природа дала такой рост, а мне — половину?» А потом вместо Веньки появлялся загорелый красавец тренер с орлиным носом и говорил: «Бесперспективный ты».

Юла дёргался в кровати, вставал, пил воду, снова ложился. Вместе с матерью, в шесть утра, он совсем встал, оделся.

— Ты что? Заболел? — всполошилась мать.

— Здоров.

Мать недоверчиво пощупала его лоб. Вроде бы холодный. И ушла.

А Юла, кое-как позавтракав, выскочил на двор.

Григорий Денисович как раз закончил прогулку с Квантом и теперь делал зарядку. Юла примостился, как всегда, возле каменной тумбы. Глядел и думал: «Спросить? Или неловко?»

Его подмывало проверить у Григория Денисовича: пошутит он вчера? Или правда?

Юла, наверно, долго мучился бы так, но Григорий Денисович, кончив прыгать со скакалкой, вдруг сказал:

— А ну попробуй. Не высоко прибил?

И показал глазами в угол двора.

Там, в проёме между двумя сараями, возле груды брёвен, на которых так любил сидеть Юла, он вдруг увидел перекладину. Когда её успел приладить Григорий Денисович? Вчера вечером, что ли?

Юла от удивления словно прирос к тумбе.

— Ну давай испытаем, — сказал Григорий Денисович и первый зашагал к сараям.

Юла медленно пошёл за ним. Он шёл и вспоминал спортшколу. И загорелого красавца тренера. И перекладину. И свой конфуз.

«Бесперспективный».

Он подпрыгнул, но до перекладины не достал.

«Как и тогда», — мелькнуло в голове.

— А ты подставь чурочку, —

невозмутимо посоветовал Григорий Денисович.

Юла выбрал толстый чурбан, подкатил его под перекладину и поставил «на попа». Теперь он легко достал до перекладины. Повис.

Подтянулся раз, напрягая все силы. Опустился. Руки опять противно задрожали.

«Как тогда... Всё как тогда».

Он выпустил перекладину и очутился на земле.

— Тут секрет простой, — неторопливо сказал Григорий Денисович. — Тренировка. Вот и всё. Ежедневная тренировка.

Глава VIII

ВЕЛИКИЙ ЭКСПЕРИМЕНТ

На следующее утро Юла снова влез на чурку, повис. Подтянулся раз. Потом с великим трудом — второй. Передохнул минут пяток и опять, извиваясь всем телом, два раза подтянулся.

— Как червяк на крючке, — добродушно пошутил Григорий Денисович. — Держи туловище прямо.

«Всего четыре раза, — подумал Юла. — А нужно пятнадцать».

Руки у него ныли и словно бы набухли, плечи огрузнели.

Уже уходя в школу, он всё-таки снова попробовал... Подтянулся ещё два раза.

В школе почти на каждой перемене он мчался в спортзал. Подтягивался по разу, по два.

«Итого — двенадцать», — подсчитал он.

Вечером погулял с Квантом, потом опять подтягивался. Так, с перерывами, — ещё шесть раз.

Ночью он ворочался с боку на бок. Руки, плечи и бока болели. Даже шея и та ныла и еле-еле поворачивалась.

«Странно, — думал Юла. — При чём тут шея?»

Утром он встал весь разбитый. Правда, боль немного поухлила. Но когда Юла попробовал опять повиснуть на перекладине, руки снова так заныли — он сразу спрыгнул.

«С непривычки», — сообразил он. Решил сделать на де-

нёк перерыв. А то совсем разболются руки и шея.

После уроков Юла задержался в пустой школе. Шёл по коридору и вдруг увидел физика. Громадный Илья Николаевич двигался, как линкор, тяжело и солидно.

«А что? — мелькнуло у Юлы. — Говорят, Инквизитор мудрый. Спросить у него? Хотя... Неловко...»

Он замешкался.

А тут Илья Николаевич и говорит:

— Ну что? Какие мировые проблемы омрачают чело добра молодца?

Ну раз сам спросил!.. Юла расхрабрился:

— Знаете, Илья Николаевич, вот мне один офицер... Демобилизованный... Он сказал, что если подтягиваться...

— Да... — задумчиво прогудел в ответ Илья Николаевич. — Зайдём-ка...

Он положил Юле руку на плечо (низкорослый Юла весь кончался где-то под мышкой у физика) и так вот, легонечко подталкивая Юлу, прошагал с ним в учительскую.

Тут было пусто. Они сели. Физик достал из кармана длинную полированную трубку, такую длинную, что даже непонятно было, как она умещалась в кармане, набил её табаком, сунул в рот и, не разжигая, сказал:

— Давай говорить честно. Я не знаю, станешь ты за год сильнее вдвое или в полтора раза. Или на одну и четыре десятых. Не знаю. Но зато я знаю твёрдо: тренировка творит чу-

деса. Вот, слышал, есть такие йоги?

Юла кивнул.

— Йог идёт босой по пылающим углям и не обжигает ног. Он ложится под грузовик, а потом встаёт, живой и невредимый. В чём секрет?

Физик пососал незажжённую трубку и сам ответил:

— Тренировка!

случай, как это часто бывает, сразу всё решил.

Днём Юла вышел погулять. А навстречу Витька Башня и с ним, конечно, неразлучные Гешка и Кешка и ещё один из соседнего дома. По кличке Шука. Потому что зубы у него длинные и острые. И торчат вперёд.

— Здравия желаю, генерал

И Юла вспомнил, что точно так говорил и Григорий Денисович, даже с такой же интонацией: «Тренировка!»

Юла ушёл. Да, всё это было хорошо. Но шея по-прежнему ныла, а руки так болели, — казалось, вот-вот отвалятся.

Неизвестно, чем кончились бы эти размышления и колебания Юлы, но тут неожиданный

недоделанный! — откозырял Витька.

Дружки его разом загоготали.

Юла молчал.

— Ты чего же не отвечаешь, маршал? — усмехнулся Витька Башня.

Он шагнул к Юле, схватил за уши и наклонил его голову к себе.

— Интересно, — сказал он, делая вид будто внимательно разглядывает Юлькин затылок. — Сурик-то вчистую отмылся? Или ещё чуточку осталось?

Его приятели снова дружно захохотали.

Сурик был помянут не зря. Года два назад Витька Башня раздобыл где-то банку с остатками сурика и кисть. В углу двора, возле сараев, ему попался Юлька.

Витька сказал:

«А чего это он чёрный! А? Некрасиво. Ему гораздо больше к лицу рыжий! А?»

«Точно!» — закричали Кешка и Гешка.

«И вообще, — продолжал Башня. — Юлий Цезарь-то, кажется, рыжий был. А тут...»

Это Башня пуще всего любил: поразить всех какими-нибудь неожиданными познаниями или хлёсткой цитатой.

Непутёвый Башня, как ни странно, взахлёб читал. Правда, глотал он больше всего повести про шпионов. Но иногда и дельные книжки попадались. А память у него была цепкая.

Кешка и Гешка заломили Юле руки за спину, а Витька Башня под дружный хохот мальчишек жирно ляпал краску на голову Юле. Волосы у того слиплись и поднялись, как колючки у ежа. Огненно-яркой краской были вымазаны и лоб, и уши.

Юла дёргался, отбивался. Но всё напрасно.

С ненавистью глядел он на мучителя. Если б мог, он убил,

измучил его, отомстил за все обиды.

Весь испачканный краской, зарёванный, охрипший, вырвался он тогда из рук своих врагов и убежал домой.

Хорошо хоть матери не было. Он яростно мыл голову в тазу, тёр мылом, скрёб ногтями. Краска въелась намертво.

«Раздобуду пистолет, — с мрачной решимостью думал Юла. — Подстерегу Башню. Жизнь или смерть?! При всех будет ползать на коленях, виться...»

Юла мысленно уже видел, как Витька Башня ползает в пыли, умоляет простить, твердит, что он не знал, какой Юла смелый и справедливый.

А потом пришла мать. Под её причитания Юла ещё долго отмывал волосы горячей водой с керосином и щёлоком. Но и на завтра нет-нет да и мелькала в них огненная прядка.

...Вся эта давняя история мгновенно вспомнилась Юле, когда Башня схватил его за уши и заговорил о сурике.

Юла молчал. Злость и обида бурлили в нём. И что самое скверное, слёзы подступали к самому горлу. Только этого и не хватает: разреветься на потеху Башне.

— Храбрецы! — с трудом выдавил Юла. — Семеро на одного!..

— Можно и один на один, — с готовностью откликнулся Башня.

И вдруг в голове у Юлы стремительно, как окна несущегося мимо поезда, промелькнули и цирк, и могучий Али-

Мухамед-Хан в борцовском трико, и Григорий Денисович, и его удивительный совет.

— Состоялось! — сказал Юла.

— Значит, дерёмся? — изумился Башня.

— Дерёмся.

Витька Башня быстро скинул пиджак.

— Стой! — яростно крикнул Юла. — Мы дерёмся. Один на один. Но не сейчас...

— Когда же?

— Ровно через год. Запомни: в будущем году первого октября я тебя поколочу. Здесь же. При всех. Клянусь!

— Фьють! — Витька захотал, приседая и хлопая себя ладонями по толстым ляжкам.

Смеялись и его дружки.

— Ловко придумал! — крикнул Кешка. — Значит, целый год тебя пальцем не тронь?! Ишь как придумал! Хитро!

— Клянусь! — снова яростно выкрикнул Юла. — Ровно через год на этом же самом месте я побью тебя, Башня.

— А если не побьёшь? — ехидно вклинил Гешка.

— Если не побью? — Юла лишь на мгновение задумался. — Слушайте все! Если не побью, пусть Башня выкрасит мне волосы суриком и я целую неделю — слышали?! — целую неделю буду так ходить по всему городу!

Мальчишки, поражённые, молча смотрели на Юлу.

— А в школу? — тихо спросил кто-то.

— И в школу...

— И дома?

— И дома...

— Мать выдерет.

— Пусть.

Столько злости и правдивости было в голосе Юлы, что ему поверили.

— Ладно, — с угрозой сказал Витька Башня. — Ровно через год. Только без всяких фиглей-миглей. Смотри, генерал!

— Без фиглей-миглей, — подтвердил Юла. — Ровно через год!

...Легко было сгоряча, в ярости крикнуть Башне: «Я побью тебя!» Но когда Юла, вернувшись домой и немного успокоившись, представил себе, что предстоит ему через год, — на душе сразу стало мутно.

«Неужто придётся целую неделю мотаться с крашеной головой?» — Юла нахмурился от ужаса.

Так он сидел долго. Может, час. А может, и два...

ЖЕНЯ, конечно, на следующий день узнала о новой ссоре Юлы с Башней.

— Слушай, Юлий, — волнуясь, сказала она. — Это же ужасно! Это совершенно невозможно!

Юла молчал.

— Послушай, Юлий. Ну давай я с Башней поговорю. Скажу — ты просто погорячился. Или, ещё лучше, скажу — ты пошутил. Ну взял и пошутил. Такая вот не очень остроумная шутка.

Юла покачал головой. Ему вся эта история тоже не нравилась. Однако хода назад нет...

— Но нельзя же допустить, чтоб этот проклятый Башня вылил тебе на голову ведро сурика! — не унималась Женя. — Целую неделю с такой головой! Это же с ума сойти!

Юла молчал. А что он мог сказать? По Жениному голосу

чувствовалось: она вот-вот заплачется.

— Иди, Женя, домой. Я сам... — сказал Юла.

Он постарался произнести это, как мужчина. Спокойно. Веско. Повернулся и ушёл. Завернул за сарай и сел там на брёвна. Сидел, думал. Но мысли были всё об одном...

— Юла, — сказал вдруг кто-то.

Юла поднял голову. Это был Яшка Букашка.

— Юла, — сказал Яшка. — А если Борьку попросить? Чтобы он вместо тебя... А?

Юла невесело усмехнулся. Ишь ты, и этот клоп переживает!..

Борька — здоровенный парень из их же дома. Но он на дворе почти не показывается. Да и вообще, при чём тут Борька?

— Ничего, Букашка, как-нибудь... — сказал Юла.

Вечером он долго сидел в комнате. Один. Не зажигая света.

В доме напротив мягко светились окна, розовые и зеленоватые, бордовые и голубые. Там, за тонкими занавесками, сустились люди, переходили с места на место, ужинали, слушали радио, о чём-то говорили. Юла обычно любил глядеть на освещённые окна и строить догадки: о чём спорят вот эти двое? Почему собрались гости вот за этим окном? Но сейчас Юле было не до того. Он всё думал и думал. И всё об одном...

(Продолжение следует.)

Т. МАМОНОВА

Весёлые кони

*Мы в Азию с мамой отправимся летом,
Она мне сегодня сказала об этом.
Давно поселились там рыжие кони.
Сперва мы боялись, что в ветре утонем,
Ведь в городе нашем все ветры в загоне —
В степях казахстанских другие законы.
Мы вас оседлаем, весёлые кони.
Галопом вас пустим и ветер догоним.
Сначала мы падали (с первых попыток),
Теперь приловчились — лишь пыль под копытом.
Мы солнце сорвём и в футбол поиграем,
А степь будет полем футбольным без края.
Мячей магазинных ведь солнце поболе —
Для солнца и нужно огромное поле.
А вечером душным, устанем мы если,
Споём вместе с мамой ковбойскую песню.
На рысь перейдут пусть весёлые кони,
И спины их будут в оранжевом тоне!*

ГрАч

У подбитого грача
Я за няньку
И врача.
Только встанет он с рассветом,
По квартире — шум и гам!..
Даже мел летит при этом
С потолка к моим ногам.
Ходуном заходит дача!..
— Друг! — кричат мне, чуть не
плача.—
Лучше б ты играл с медведем,
Вместо всех этих грачей:
Тот хоть даст поспать соседям!

Мы не спали пять ночей!
...Сеновал заброшен всеми,
Можно выспаться на сене.
Через заросли осота
Пробираемся с грачом:
Расставаться неохота,
И соседи ни при чём...
Но навстречу
С сеновала
Кто-то ринулся, крича:
— Даже здесь житья не стало...
Караул! Несут грача!

СЕРДИТЫЙ
И
ГРУША

Сердитый прохожий,
Жарой изнурённый,
Прилёг на лужайке
Под грушей зелёной,
Ворча,
Что корявыми выросли ветки,
Что листья на груше развесистой
Редки,
А сами плоды
И незрелы,
И мелки...
— Вот были бы с тыкву,
И все скороспелки! —

И вскрикнул:
На темя свалился дичок,
Тяжелый, как гирька,
Хоть сам с пятачок.
Сердитый потрогал:
— Здоровая шишка!
От тыквы, пожалуй,
Была бы мне крышка!
Ты, дерево, знаешь,
Не всякого слушай.
Пусть мелкими
Так и останутся груши!

Ю. КОРШАК

Прогулка на марс

Рисунки Ю. Шабанова

— Табань, — сказал рулевой. На шлюпку надвинулась серая стена брони. От вёсел ещё бежали по волнам маленькие воронки неслышных водоворотов, но борт лодки уже почти касался лестницы с медными поручнями.

«Не лестница, а трап», — мысленно поправил я себя, ведь здесь, на корабле, всё по-особенному, по-морскому. Мы поднялись на палубу крейсера и очутились в строгом царстве пушек и металла. Вокруг сновали деловитые моряки, одетые по-домашнему, в серые робы. Зато вахтенный офицер предстал передо мной во всей красе, сверкая глянцем ботинок и золотом надраенных пуговиц.

— Корреспондент? Милости просим. Сначала посмотрим крейсер, а там и адмиральский час подоспеет, — козырнул он мне.

Про этот самый адмиральский час я и понятия не имел, но виду не подал и важно кивнул в ответ, в знак согласия. Вырос я в Ленинграде и считал себя вполне морским человеком. Скажем, свободно мог отличить форштевень от ахтерштевня или на флотский манер (с ударением на последнем слоге) произнести слова «компас» и «рапорт». «Адмиральский час они, наверное, недавно выдумали», — быстро нашёл я утешение.

На носу корабля офицер начал было, как экскурсовод:

— Вот эта часть судна называется бак...

— Извините, товарищ старший лейтенант, — перебил я. — Всё это мне известно. Вон там якорный клюз, а сам якорь прежде назывался анкер.

— Верно, анкер, — с почтительным удивлением подтвердил вахтенный.

— Вот-вот, — уверенно продолжал я, — вы лучше покажите что-нибудь современное. Про якоря в книжках и так немало написано.

— Пошли тогда заглянем в наши катакомбы, — предложил мой спутник.

Мы спустились вниз и зашагали по коридорчику мимо крошечных офицерских кают и просторных матросских кубриков. Потом через лабиринт узких переходов и крутых лесенок попали в бронированную нору, где всё гудело и стонало.

— Машинное отделение, — в самое ухо крикнул офицер. Здесь были запрятаны чудовищные мускулы корабля. Это благодаря им стальная громадина могла носиться по волнам, словно лёгкий катер.

Единственный знакомый прибор, который попался мне на глаза, был обыкновенный термометр. Он скромно висел в уголке и показывал африканскую жару. Пот лил градом, и я рассудил, что послушать объяснения можно и на палубе. Я указал спутнику на термометр.

— Что, жарко? Прогуляемся на марс, там ветерок.

— Я не космонавт.

— Ракета нам и не понадобится. — Щеголеватый старший лейтенант подвёл меня к трапу.

Удивляясь странным шуткам моряков, я стал взбираться наверх. «Второй... третий», — считал я «этажи», где были расположены ходовой и сигнальный мостики. Они повисли над палубой полукруглыми балконами. Долго мы там не задержались. Неутомимый старший лейтенант уже распахивал передо мной очередную стальную дверь. Тесная каюта напоминала лабораторию — она была уставлена приборами.

— Штурманская рубка, — пояснил старший лейтенант.

Он взглянул на один из приборов и добавил:

— Сейчас глубина у нас тридцать пять метров. Эхолот «докладывает». Он всё время посылает сигналы на дно, они отражаются, и таким образом вычисляется глубина. — Офицер подошёл к другому прибору. — Отсюда всё видно и слышно, что делается вокруг корабля. Вот сейчас на горизонте чисто, в небе тоже ничего не заметно,

Я невольно оглянулся по сторонам. Только узкие иллюминаторы в рубке, но они никого не интересуют. Люди что-то там колдуют над своими удивительными механизмами и действительно знают, что творится и в пучине моря, и в облаках, и в дымчатой пелене горизонта. Недаром на стенке надпись: «Отличный боевой пост». В этой каюте я узнал, что такое мозг корабля.

И всё-таки я чувствовал некоторое разочарование. Где ж романтика моря, если всё разложено по полочкам, как в учебнике по алгебре? Захотел что-то узнать — пожалуйста: нажми кнопку, никаких усилий. Всё равно что в своей квартире показания электросчётчика снять. Машина за тебя старается. То ли дело раньше! На abordаж брали, по мачтам лазали, в общем, лихо плавали.

Эти свои соображения я смело высказал старшему лейтенанту.

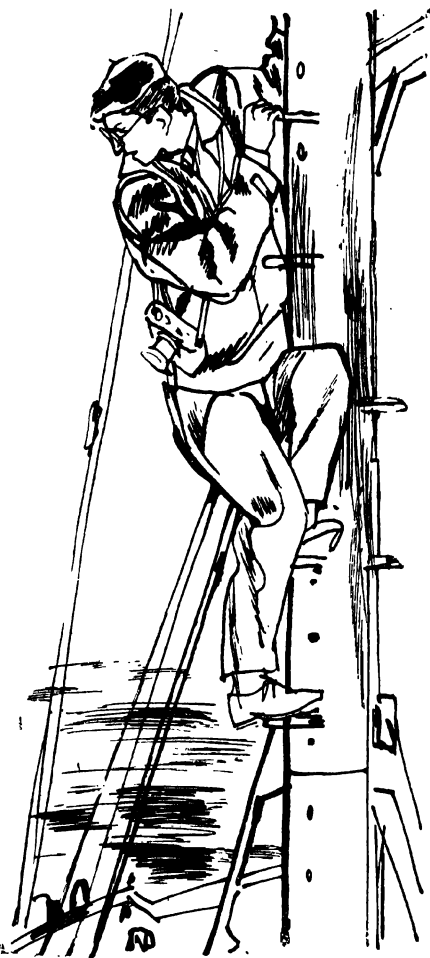
Он спорить не стал, опять отпустил шуточку насчёт прогулки на марс и полез вверх по ступенькам, укреплённым в тесной тёмной трубе. С открытой площадки открывался красивый вид. Внизу, под нами, палуба, башни орудий, люди маленькие-маленькие. Вокруг — море. Вот тут-то я впервые заметил, что корабль слегка качает. Ветер заметно посвежел, и впергонки с крейсером бежали барашки.

Но больше всего мне нравилось поведение старшего лейтенанта, который будто и впрямь задался целью прогуляться за облака.

— Лезем дальше, — торопил он. Дальше, на мой взгляд, дороги не было. Прежде мы поднимались по удобным трапам, если не считать каверзных ступенек в трубе. Теперь наверх вела лишь отвесная лесенка из тонких железных прутьев. Никаких тебе поручней, а высота метров десять. Мне казалось, что она качается на ветру.

Я решил выиграть время: вдруг офицер раздумает лезть на верхушку мачты? Рядом с площадкой плескалась гирлянда ярких флажков.

- Что это за украшение?
- Флаги расцветивания.
- Они только для красоты?

— Нет, каждый имеет своё значение.

— Ну вот тот, белый с двумя красными квадратами, что означает?

— По международному своду сигналов: «Вы идёте к опасности».

— Гм... А рядом который?

— «На борту имеется доктор».— Эту фразу, как мне показалось, старший лейтенант произнёс с лёгкой улыбкой. Что он этим хотел сказать? Может, меня разыгрывает? Попробуй проверь. Но теперь пути для отступления уже не было. Засмеют. Я взялся за железные прутья, до блеска натёртые матросскими подошвами, и, стараясь не смотреть вниз, сделал первые шаги.

— Крепче держитесь, — сквозь свист ветра донёсся голос. Совет был ни к чему, я и так цеплялся изов всех сил.

Шаг... Ещё один. Уф, до чего ж высоко! Лестница и в самом деле раскачивалась, как верёвочная. Влево—вправо, влево—вправо. Всякий раз я оказывался висющим над пропастью и поспешно отводил глаза в сторону.

Я и не заметил, как достиг последней ступеньки. Она привела на крохотную площадку, огороженную бортиком. Из люка показалась фуражка.

— Освоились? Смотрите, какая ширь! Красота.

Отсюда, как с крыши высоченного дома, открывался совсем иной пейзаж, чем с палубы.

— Эту площадку и называют марсом, самая верхняя точка корабля. Нравится?

— Больно уж высоко, — неопределённо буркнул я.

— Видите эту рею? — Офицер показал на тонкую металлическую планку, что метра на четыре торчала в сторону от марса. На самом конце болтался гибкий прут антенны. — Так вот однажды, когда потребовалось заменить антенну, один из матросов добрался до рей

и всё исправил. Между прочим, качка была посильнее. — Он взглянул на часы: — Ого, пора нам вниз, кок уже ждёт.

Не верьте, если вам говорят, что трудное дело второй раз сделать легче. Опять качалась лестница вправо—влево, вправо—влево, и жутко было глядеть вниз. Видно, к морской службе надо попривыкнуть. «И чего не придумали сюда какой-нибудь лифт», — думал я тоскливо, нащупывая ногой скользкую ступеньку.

Впрочем, в уютной кают-компании все мои сомнения исчезли. Моряки угощали меня борщом и компотом. Рассказывали разные потешные истории. Тут я вспомнил про адмиральский час и спросил об этом своего попутчика на марс.

— Время обеда так у нас называется.

— Недавно придумали?

— Что вы! Ещё при Петре Первом. Традиция, знаете ли, морская.

— А-а...

В разговор вступил командир:

— Понравилось вам на корабле?

Вместо меня поспешил ответить старший лейтенант:

— Ещё бы! Вы посмотрели бы, как корреспондент в такую погоду по мачтам лазил. Всё на марс рвался. Молодец, настоящий марсофлот.

Командир и офицеры одобрительно посмотрели на меня.

Что такое марсофлот, спросить я не решался, но после обеда попросил в судовой библиотеке морской словарь.

...«Марса-бык-гордень». «Марса-шкот». Это не то. «Марсофальная кадка» — опять не то. Ага, вот: «Марсофлот — опытный и матёрый, знающий и любящий море и морское дело».

Красиво сказано и точно. Море я люблю. Спросите на крейсере. Всякий подтвердит.

Борт Н-ского крейсера.

КАК Я НЕ СТАЛ ХУДОЖНИКОМ

Михаилу ЩЕГЛОВУ

А мог бы стать художником, если бы хотел.

То есть уметь рисовать я хотел, но не умел.

И сейчас не умею.

А художником мог бы стать, но не хотел.

Причины, чтобы стать художником, были. У меня самый настоящий художник прямо под левой рукой сидел, на одной со мной парте. Так теперь и работает он — художником. Не передвижником, а каким-то другим, но тоже художником.

Рисовал как бог. Все годы, пока рисование было, ох как рисовал. Прямо, что ни покажут, срисовывал. И тени там и всё прочее. Язык высунет и ри-

сует. На одни «пятёрки» рисовал. Ему если бы «четвёрку» поставили, он бы, наверное, умер. Потому что, с какой стати, если он на «пятёрку» может, а ему — «четвёрку». Несправедливо.

И мне рисовал то же самое, только сразу. Без теней. Лист возьмёт, один глаз сощурит, другим на учителя посмотрит, чтобы он не увидел, и — бум-тара-ра. Готово. Иди сдавай. Я всегда первый сдавал. Меньше «тройки» не имел. Больше тоже.

А тут однажды учитель приходит и говорит:

— Нарисуйте каждый что хотите.

Я своему соседу говорю:

— Давай. Своё ты всегда успеешь.

Он лист взял. Один глаз сощурил. Другим на учителя посмотрел и говорит мне:

— Ты чего хочешь?

— А не знаю, — говорю. — Рисуй, и всё.

— Как это — рисуй, и всё? — сказал он. — А если нарисую не то, что ты хочешь?

— Да всё равно мне. Рисуй, и всё.

— Как это всё равно, как это всё равно, — сказал он. — Значит, ты беспринципный человек.

— Это я беспринципный! А ты, значит, принципиальный?

— Да, — ответил он. — Принципиальный.

Ну уж тут меня зло взяло совсем. Это он со своей принципиальностью через «козла» второй год прыгнуть боится. А я, значит, беспринципный.

— Не надо мне твоей помощи, — сказал я. — Сам справлюсь.

— Посмотрим, посмотрим, — сказал он. — Это тебе не через «козла» прыгать.

— Вот именно, — сказал я и стал смотреть в окно.

А в окне всё как обычно. Облака. Деревья. На деревьях галки.

«Дай-ка, — я думаю, — галку нарисую».

Взял карандаш. Левый глаз сощурил. Правый. На учителя посмотрел.

И... раз! два! три! — готово. И понёс сдавать.

Учитель, как взял рисунок, так и ахнул.

— Ох ты, — говорит, — и молодец. Надо же такого экспрессивного слона нарисовать. Ну молодец и всё тут. Пять тебе с минусом.

И расписался. А я листочек взял и в портфель положил. Небрежно положил, на класс даже и не посмотрел.

Домой прихожу, вынимаю, маме показываю.

Мама, конечно, сразу на отметку глядит.

— Молодец, — говорит, — ты у меня.

А я и спрашиваю:

— Мама, как, по-твоему, что я нарисовал?

— Как что, — отвечает мама. — Картинку.

— А на картинке что? Животное какое?

У мамы даже слёзы потекли, так она всматривалась. Потом положила на стол и сказала:

— Не знаю. Извини, вижу, что хорошо нарисовано, раз пять с минусом, а что нарисовано — сказать не могу.

Вот тут я и решил не становиться художником. Потому что нарисуюшь, душу вложишь, экспрессию вложишь, а потом один одно увидит, другой другое, а третий так и вообще ничего! Так и не стал художником. А мог бы.

Рис. Г. Ясинского

Что теряют девочки?

Что теряют девочки,
 Маленькие девочки,
 Приезжая с папами
 На Кавказ и в Крым?
 Мячики и шапочки,
 Мыльницы и тапочки,
 И очки, и ножики,
 И футляры к ним.
 Даже сумки пляжные,
 Ленты для красы,
 Даже очень важные,
 Для гулянья важные,
 Для купанья важные,
 Для режима важные —
 Папины часы.
 Папы очень сердятся,
 Сердятся с усердием
 И ругают девочек —
 Да, да, да! —
 Разинями, растяпами,
 Воронами и шляпами...
 Очень трудно с папами
 Девочкам тогда.
 А зачем ругаются
 И рычат в усы?
 Пусть себе теряются
 Ленты да часы.
 Ведь находят девочки,
 Маленькие девочки,
 Море бесконечное
 С ласковой волной,
 Камешки отличные —
 Яшмы, сердоличины —
 И песок вдоль берега,
 Тёплый, золотой.
 И тропинку горную,
 И медузу голую,
 И в саду на дереве
 Птицу какаду,
 И над спящей Ялтою
 В тёмном небе яркую,
 Самую-пресамую
 Яркую звезду.

АВТОР публикуемых в этом номере «Искорки» двух сказок Поль Гют — широко известный во Франции писатель-юморист.

В годы войны он принимал активное участие в борьбе с германским фашизмом, а после неё стал журналистом, писателем.

В 1953 году Поль Гют написал книгу «Воспоминания простана». Главный герой этой книги завоевал такую популярность, что писатель не смог расстаться с ним и вывел ещё в шести книгах о простане.

Помимо этого Поль Гют написал ещё ряд пьес и много книг для детей.

Поль ГЮТ

ЛЮДИ, которые пишут книги по истории, рассказывают, что давным-давно жил очень злой король по имени Атилла. Его королевство находилось в Азии, а жили там гунны.

Так вот, историки утверждают, что эти гунны были очень некрасивы, а король их Атилла был самым безобразным из них. Кожа у него была грубая и тёмная, как сапог. Он никогда не брился. На шее были бородавки, из которых во все стороны торчала щетина. Волосы были рыжими и сальными. Он запускал в них пальцы с грязными ногтями и непрерывно чесался. Его зелёные и маленькие глазки были почти что не видны из-под нависших

бровей. От него очень дурно пахло, потому что:

во-первых, он никогда не умывался. Как только видел воду (озеро, реку, водопад), он плевался;

во-вторых, он был одет в куртку из крысиных шкур. А крысы, как вы знаете, не имеют привычки пользоваться одеколоном.

У него было 236 жён. Каждая говорила ему: «Атилла, послушай, ты сегодня же должен переодеться!» И так 236 дней подряд. Но Атилла никак не мог решиться поступить так, как ему советовали. Поэтому с каждым днём от него всё хуже пахло.

На его совести были миллионы убитых. Он всегда возглав-

лял отряды своих всадников. Каждый из них держал под своим седлом запас сырого мяса, чтобы оно стало мягче и его было бы легче разжевать. Ведь они проделывали большие переходы через пустыни, где не было зубных врачей. Да кроме того, они убивали всех на своём пути, в том числе и зубных врачей. Вот им и приходилось самим заботиться о своих зубах.

Аттила съёл многие европейские города. Его даже прозвали «бичом божьим». С силой хлопая по спине своих военачальников, он раздражался грубым смехом и приговаривал: «Там, где прошёл мой конь, трава не растёт!» (Интересно, чем он кормил коня на привале?)

ОДНАЖДЫ мой друг Фило пригласил меня в деревню. В окрестностях Шалона-на-Марне у него был очень милый домик с небольшим садом. Именно в этих местах и разыгралась великая битва, окончившаяся разгромом Аттилы. Её называют битвой на Каталонских полях.

Фило пригласил меня, чтобы я помог ему сажать капусту. Начав копать землю, я вскрикнул: моя лопата наткнулась на что-то твёрдое. Я сделал ещё несколько движений лопатой. Твёрдый предмет оказался старым горшком. Отверстие в горшке было наглухо забито твёрдым, как камень, комом земли. Я вытащил эту земляную пробку и обнаружил внутри старого горшка пергамен-

ты, которые мне удалось прочитать. В них рассказывалось как раз об Аттиле и ещё несколько интересных историй.

Так вот, если верить пергаменту из старого горшка, то Аттила был совсем не таков, каким его себе представляет большинство людей. Сейчас я вам расскажу его историю, до сих пор известную только мне.

ОЧЕНЬ много лет тому назад в пустынях центральной Азии родился красивый принц, которого называли Аттила. На языке этого народа «Аттила» означало «прекрасный, как день». Он был высок, строен, у него были синие глаза и белокурые пышные волосы. Он был наследником громадного королевства, особенно знаменитого своими лошадьми.

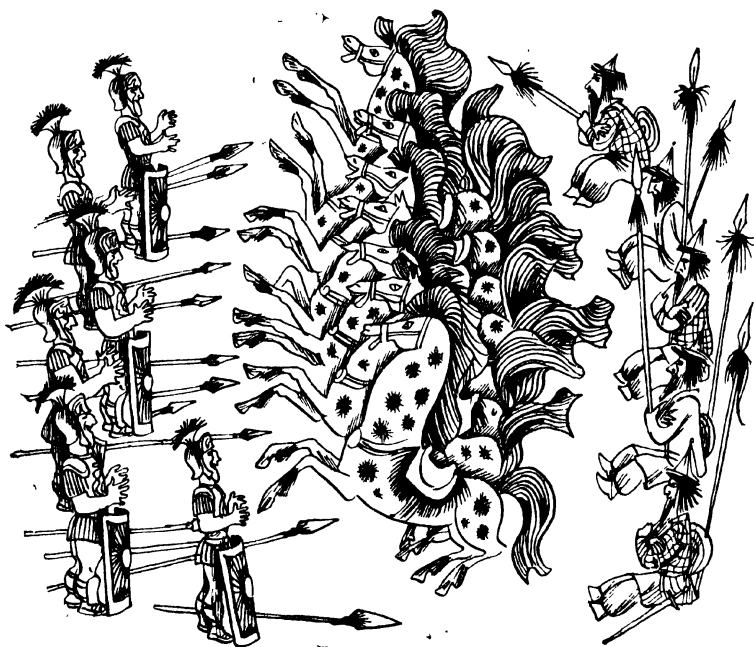
Когда Аттила был ещё совсем маленьким, он понял, что гунны завоюют весь мир, если будут лучше заботиться о своих конях. Гунны не умели ни читать, ни писать. Аттила же хорошо писал и читал. Первое слово, которое он научился писать, было «лошадь», по-гуннски «ах-хи-кох-кох». В гуннских школах, помещавшихся в шатрах, детей учили рисовать на песке деревянными палочками. Первым изображением, нарисованным маленьким Атилой, была лошадь.

Он научился садиться на коня, едва начав ходить. В шесть лет он проделывал сотни акробатических номеров: держался на мчащейся лошади вниз головой и вверх ногами, прыгал на неё с ограда. Когда лошадь

взвивалась вверх, Аттила делал опасный прыжок и впрыгивал на неё с другой стороны. Его коня звали Ола. Аттила научил его считать до десяти, здороваться, танцевать, говорить и даже петь. Ола говорил по-гуннски: «Ронья хирот, ронья глафи». («Здравствуйте, сударыня! Здравствуйте, судары!») Он пел «Марсельезу»

становилось его постоянной привычкой.

«Аттила брррт» («Аттила думает»), — говорили гунны, увидев его сидящим в задумчивой позе. И они любовались им, потому что сами они никогда не задумывались. Он думал стоя, сидя, лёжа, верхом на лошади, когда ехал шагом, рысью, галопом. И вот его озарила идея.

гуннов — Гунезу. Но он знал только первый куплет:

*«Идём, гунны,
Идём, идём.
Идём, гунны,
Поём, поём!»*

Аттила всё время размышлял. Если он не был верхом на коне, то его всегда видели сидящим в задумчивости. По мере того как он вырастал, это

Она возникла у него в ночь его совершеннолетия, то есть когда ему исполнился двадцать один год.

В ту ночь он так много думал, что ему не удавалось уснуть. Дело было в июле. Аттила выглянул из шатра. Луна светила так ярко, что было светло как днём. Тысячи лошадей паслись под луной, а их хозяева храпели в шатрах.

Ола затмевал своей красотой всех остальных коней. Бело-снежный, грациозный, он прогуливался, помахивая хвостом. Аттила сказал себе: «Гунны не способны мыслить, их мозг слишком мал для столь больших голов. А вот Ола мыслит. Но если все кони гуннов станут такими же умными, как Ола, то они смогут думать за своих хозяев, и благодаря им гунны смогут стать властелинами мира и на этом кончатся все войны».

Аттила велел закрыть немногие школы для гуннов, бывшие в то время. Они были совершенно не нужны. Учителя непрерывно кричали своим ученикам: «У вас на плечах не головы, а чурбаны! Туда невозможно ничего вбить!» В течение многих веков ни одного гунна не удалось научить ни читать, ни писать!

Зато Аттила открыл школы для дрессировки лошадей. Кони гуннов были так умны, что, выучившись, они начинали дрессировать других лошадей. За три года пятьсот тысяч лошадей получили диплом курсов дрессировки, сокращенно называвшийся Д.В.К.Д.У.Л.Р. К.Г. (Диплом Высших Курсов Для Усовершенствования Лошадиной Расы Королевства Гуннов). Лошади умели теперь считать до ста. Они говорили: «Рап, ван, брет, трет, нот, фрют, кап!» (Вперёд! Назад! Шагом! Рысью! Галопом! Вправо! Влево!) Они научились стоять на задних ногах, а передними брать предметы, бросать их вперёд, толкать,

сжимать, привинчивать. С их помощью гунны теперь выигрывали все сражения, не убивая при этом ни одного человека. И вот каким образом.

Когда Аттила видел приближающегося врага, он кричал гуннам: «Гелат!» (Спешиться!) Гунны сходили с коней на землю. Они садились и скрещивали на груди руки. Их кони шли вперёд одни. Они делились на эскадроны по сто лошадей в каждом. Во главе каждого эскадрона был конь в чине «фров» (капитан первого ранга). Под его началом был конь в чине «трокс» (капитан второго ранга) и четыре коня «фрикс» (лейтенанты).

Фровы и троксы носили на двух передних ногах три золотых галуна, а фриксы — на том же месте два золотых галуна.

Кони бросались галопом на врагов. Они становились на задние ноги и начинали петь. Вражеские кони и всадники начинали их слушать. Эти песни так нравились им, что они засыпали. Так прекратились сражения и не было больше убийств.

Это изобретение принесло Аттиле огромную популярность. Солдаты обожали его, так как им нечего было делать. Но слава Аттилы не давала покоя и породила зависть у его брата Алитты (обратите внимание на его имя: это ведь Аттила, читаемое наоборот. У гуннов было принято называть так старшего или младшего брата).

Алитта был самым безобразным из всех гуннов. Кожа у него была грубой и тёмной, как сапог. Он никогда не брился. На шее у него были бородавки, из которых во все стороны торчала щетина. Вы узнали его портрет? Вы уже читали эти строки в начале нашей истории. Аллитта был столь же зол, насколько добр был Аттила.

Однажды ночью Алитта пробрался к ложу спящего Аттилы. Он разможил ему голову большим камнем, вытащил тело и подсунил его под копыта спящего коня Ола. Наутро Алитта сделал вид, что обнаружил труп брата, и принялся кричать: «Ола убил моего брата Аттилу! Ола убил моего брата!» Он раздирал себе в

знак скорби лицо ногтями и катался в пыли.

Алитта стал королем вместо Аттилы и принял его имя. Вот потому-то люди, пишущие исторические книги, и ошибаются.

Но в день коронования Алитты кони гуннов снова стали дикими. Они отказались ходить на задних ногах, а передними — толкать, сжимать, крутить, привинчивать. Они перестали думать и петь. Они стали просто верховыми лошадьми. И гунны вновь были вынуждены сами воевать и убивать людей. Они становились всё более безобразными и злыми. И Алитта тоже. Это он, под ложным именем брата, внушал ужас всему миру. Его-то и прозвали «бичом божьим».

О Христофоре Колумбе вам, разумеется, известно:

1. Что он открыл Америку.
2. Что в действительности во время первого своего путешествия он высадился не в Америке, а на маленьком острове близ Кубы, называемом теперь Гуанахана.

3. Что Христофор Колумб принял этот остров за чудесную страну Чипанго, где улицы вымощены золотом.

4. Что когда он возвратился в Испанию, то однажды за столом у одного знатного вельможи один из его завистников сказал ему: «Не так-то уж и трудно было открыть Америку. Просто нужно было догадаться это сделать!»

Христофор Колумб взял яйцо и обратился к окружающим: «Кто из вас, господа, смог бы поставить стоймя это яйцо?»

Никому из присутствовавших не удалось это сделать. Тогда Колумб взял яйцо и, слегка ударив одним из его концов по тарелке, поставил его на стол.

«Но это же совсем просто!» — воскликнули его завистники.

«Да, — ответил Колумб, — но об этом нужно было догадаться».

Христофор Колумб был мечтателем. Ему мерещилась где-то вдали за океаном сказочная страна Чипанго, где всё было из золота: черепицы на крышах, стены и даже мебель...

Каждый день он просил у короля и королевы корабли, чтобы отправиться на поиски этой страны. Но ему отказывали в просьбе.

Тогда Колумб уединился в своём небольшом доме. Он очень любил яйца и поглощал их сырыми по утрам на завтрак. В обед он жарил яичницу, а вечером варил их в мешочек. Сначала он покупал яйца у одного торговца, потом в поисках самых свежих стал ездить за ними в деревню к крестьянам и наконец решил сам разводить кур. Он велел построить для них домики со всеми удобствами. Куры гуляли по полю на свободе. Устав, они возвращались к себе домой, где их ждал маис на тарелочках, который они клевали, усевшись на стульчиках за столы. Мало того, Колумб часто заходил к ним, рассказывал интересные

истории. Куры были так довольны, что неслись гораздо чаще, чем остальные куры в Испании. Благодаря этому имя Колумба стало известно во всех уголках страны. Вначале он не хотел продавать яйца, но люди так просили его об этом, что он сдался на их уговоры и очень быстро разбогател.

Он стал настолько богат, что смог наконец купить три каравеллы, чтобы отправиться в своё знаменитое путешествие, закончившееся открытием Америки. Сам он повёл корабль «Санта-Мария», капитаном «Пинты» он назначил Мартина Алонсо Пинсона, а капитаном «Ниньи» — Виченте Янева Пинсона. На флагах каравелл под короной Испании он велел нарисовать изображение огромного яйца, а рядом с ним — двух кур. На борту каравелл, разумеется, для пропитания моряков были погружены сотни ящиков с яйцами.

В пятницу 3 августа 1492 года за час до восхода солнца из порта Палос вышли три корабля. Они плыли несколько недель. Впервые моряки ушли так далеко от берегов земли. Вокруг них простиралась необозримая океанская даль.

В ночь с 7 на 8 октября мимо них пролетели первые птицы. 17 октября экипаж «Пинты» выловил из воды несколько травинки и обломок дерева, обработанного руками человека. Это были предвестники земли. Около полуночи Христофору Колумбу почудился впереди свет. Он позвал Педро Гутьере, придворного

короля. Тот подтвердил, что тоже видит мигающий огонь. Вдруг Колумб услышал пушечный выстрел с корабля «Пинта» — это был знак того, что там первыми увидели землю. Наконец-то Колумб был вознаграждён за свои труды! Около пяти часов утра все три каравеллы пристали к берегу. Колумб надел своё парадное платье. В правой руке он держал королевское знамя. Каждый из братьев Пинсонов нёс флаг с вышитым на нём крестом, а рядом с ними шли нотариус и стражники.

Их окружила толпа тёмнокожих и полуголых туземцев неизвестной страны, которые были поражены видом прибывших из-за моря чужеземцев с белой кожей, как у больных, и с волосами на лице, как у зверей. А у некоторых не было волос на голове, зато они росли на подбородке. Испанцы rozdali туземцам стеклянные бусы и медные колокольчики. Колумб и его спутники тут же отправились на поиски золота, но нигде его не обнаружили. Зато повсюду их окружали деревья, увешанные чудесными плодами, которыми они вдоль полакомились.

Что несколько утешило испанцев, так это попугаи. Разноцветные — красные, синие, зелёные, жёлтые, — они жили здесь в несметном количестве. Все они разговаривали на языке своей страны. Они говорили: «Раданапатралапаталамарасава», что означает «да», и «Унурусулупурумувулксну», что означает «нет». Они смея-

лись, кричали, кашляли, подражали свисту летящей стрелы, ударам топора. Они научились говорить по-испански быстрее, чем туземцы, да так хорошо, что служили испанцам переводчиками. В знак признательности Колумб велел заменить на знамёнах одно из изображений куры попугаем.

кливер!» Они знали название всех парусов.

Когда все три каравеллы прибыли на родину, то встречающие их в порту соотечественники страшно изумились, увидев в море три плывущие горы, которые переливались всеми цветами радуги: попугаи так плотно облепили ко-

Наконец наступил день отплытия в Испанию. Колумб погрузил на все три каравеллы две тысячи попугаев, рассеявшихся повсюду: на релингах, парусах, мачтах. Эти попугаи забавлялись тем, что подражали командам при маневрировании кораблей. Они кричали: «Отдать паруса! Поднять

рабли, что под ними исчезли мачты и паруса.

Христофор Колумб, братья Пинсоны и остальные моряки сели на поданных коней и, с попугаями на плечах, отправились в королевский дворец. Король и королева поздравили Колумба и пожаловали ему

звание Главного адмирала Кастилии.

Колумб вернулся к себе с пернатыми гостями. Он построил для них напротив куриных домиков такие же жилища и часто приходил их навещать. Куры быстро поняли, что попугаи умнее их. Как ни старались они научиться говорить по-испански, им это не удавалось. Курам оставалось гордиться тем, что они несли прекрасные яйца. Но и в этом заморские гости их перещеголяли: попугаихи начали тоже нести яйца, да так много, что Колумб был вынужден их продавать. Многие испанцы стали их предпочитать куриным.

И тут куры не выдержали. Однажды они разом кинулись на своих конкурентов, Колумб

пытался разнять дерущихся. Но куда там! Ему самому чуть не выклевали глаза и порвали одежду. Попугаи защищались изо всех сил. К заходу солнца в живых остались только одна курица и два попугая. Колумб был так изранен, что слёг в постель. И кроме того, он был совершенно разорён. Лучшие врачи пытались его спасти. Но его раны были слишком серьёзны, и все усилия докторов оказались бесплодными.

Он умер восемь дней спустя, оплакиваемый всей Испанией. Оставшиеся в живых курица и два попугая помирились и проливали горькие слёзы над гробом своего покойного хозяина.

Перевела с французского
Н. В. ШИЛИНИС.
Рис. Г. Ясинского

ДАН СТАРТ, ИДЁТ СТАНДАРТ!

«Развивая народное хозяйство на плановой основе, Советский Союз придаёт большое значение использованию стандартов в целях улучшения качества продукции».

А. КОСЫГИН. (Из послания участникам XV конференции Европейской организации по контролю качества)

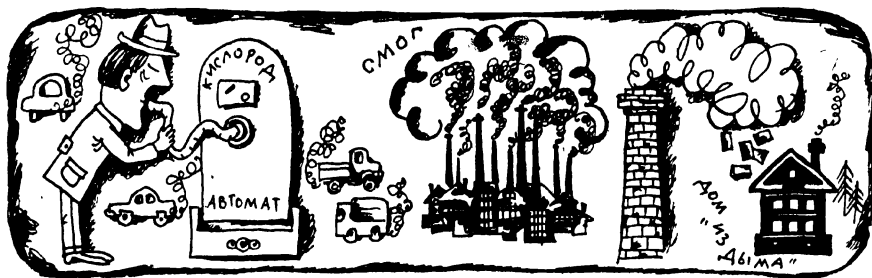
ЭТУ стремительную приземистую малолитражку успели оценить многие автолюбители. На её поблескивающем корпусе красивой вязью выведено: «Запорожец». Спросите любого мальчишку, где его делают, и он, не задумываясь, ответит: «На автозаводе в Запорожье».

Однако это не совсем так. Покрышки для «Запорожца» делает Ярославский шинный завод. Подшипники — государственные подшипниковые заводы, расположенные в Москве. Карбюраторы, без которых машину невозможно завести, делают у нас в Ленинграде. Даже двигатель — самое сердце машины — выпускает Мелитопольский моторный завод.

Сотни заводов делают детали и целые узлы для «Запорожца». Так что вроде бы это машина запорожская, а на самом деле в её выпуске участвует вся страна. Но вот возникает вопрос: что, если детали, предназначенные для «Запорожца», не подойдут одна к другой, не состыкуются во время сборки? Ведь изготовившие их рабочие никогда в жизни не виделись, не имели возможности приложить детали и посмотреть, соответствуют ли они требуемым размерам?

Можете не беспокоиться, обязательно подойдут, несмотря на то что изготовлены они в разных уголках страны совершенно незнакомыми людьми. Почему? Потому что об этом позаботился стандарт — документ, в котором записано, каким должно быть изделие, будь то подшипник или карбюратор. Соблюдать требования стандарта обязаны все — от рабочего до директора предприятия.

Конечно, стандарт нужен не только для сложных изделий, таких, как автомобиль. Любое, даже самое, казалось бы, простое изделие создаётся по стандарту. Например, «палец» для тракторной гусеницы. Внешне он очень похож на обыкновенный болт. И ничего в нём на первый взгляд нет сложного. Но стоит рабочему сделать «палец» не

по стандарту, и на тяжёлом участке дороги гусеница может обрывать. Но и это не всё. Стандартизация открывает перед техникой великолепные возможности.

Кто из нас не играл в своё время в детский конструктор? Великолепная игра! Из одних и тех же деталей можно собрать что угодно: и самолёт, и пожарную машину, и мотороллер с коляской. А нельзя ли в реальной жизни точно так же создавать новые машины? Оказывается, можно. Этот метод получил название «агрегатирование». Заключается он в следующем: рабочие изготавливают станок из нескольких стандартных узлов, которые в принципе то же самое, что детали конструктора. Когда этот станок отработает положенное время, его можно разобрать и из тех же самых стандартных узлов собрать другой станок. Теперь он не токарный, как раньше, а уже револьверный.

Но не только в промышленности необходим стандарт. Он очень нужен и в повседневной жизни.

Давайте посмотрим, с чего начинается эта повседневная жизнь? Обычно это пронзительный звонок стандартного будильника. С трудом отрывая голову от подушки, вы снимаете со стандартного стула одежду, сшитую по стандарту, и идёте умываться. Щёлкает стандартный выключатель, и в ванной вспыхивает стандартная лампочка. Вы открываете стандартный кран и над стандартной раковиной умываетесь водой, приготовленной по стандартам в специальных отстойниках...

Даже воздух, которым мы дышим, скоро будет стандартизирован. Как показали исследования, в воздухе больших городов, таких, как Нью-Йорк или Рим, количество вредных газов более чем в 100 раз превышает безопасную норму. Значит, в часы «пик» на наиболее оживлённых перекрёстках это количество выше допустимого во много сот раз!

Основной виновник загрязнения воздуха — автомобиль. В крупнейших городах мира миллионы автомобильных двигателей ежедневно поглощают сотни тонн горючего, выбрасывая отработанные газы в лицо прохожим. В Токио дело дошло до того, что на улицах были установлены автоматы, торгующие не сигаретами или кока-колой, а... кислородом. Загрязнение воздуха здесь стало настолько опасным для здоровья, что по воскресным дням более чем на ста улицах японской столицы замирает движение всех видов транспорта. Люди, задыхающиеся в выхлопных газах автомобильных двигателей, рады подышать даже за деньги.

Американцы пошли ещё дальше. В некоторые нью-йоркские небоскрёбы подведены огромные трубы диаметром в несколько метров. По ним мощные компрессоры подают воздух прямо из горных долин, расположенных в нескольких сотнях километров.

Но, к сожалению, даже самыми мощными компрессорами не приостановишь загрязнения воздуха. И тут на помощь приходит стандарт. Причём не обычный, а международный, потому что в чистоте воздуха в равной мере заинтересованы все. Сейчас в СССР и других странах ведётся разработка стандарта на состав выхлопных газов двигателей внутреннего сгорания.

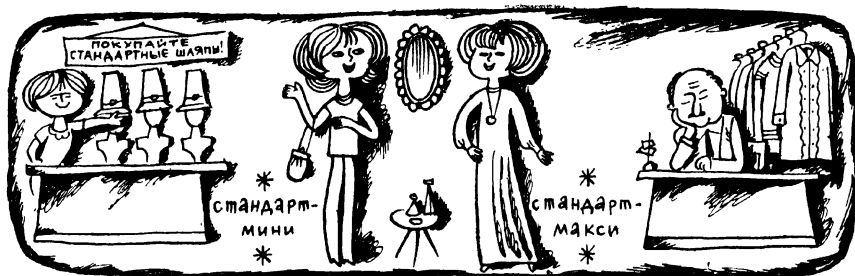
В нём будет сказано, что разъезжать в городах имеют право только такие машины, которые выделяют немного газа. Всем же остальным будет запрещено показываться на улицах. Тогда автомобильные заводы будут вынуждены выпускать только «безвредные» машины. А это сейчас вполне осуществимо. Воздух больших городов станет значительно чище.

Но не только автомобильные газы представляют серьёзную угрозу для здоровья человечества. Опасность исходит и от развивающейся промышленности. Особенно тяжёлое положение сложилось в промышленно развитых странах Западной Европы и Соединённых Штатах Америки. Если вы приближаетесь к большому европейскому или американскому городу, то прежде всего видите огромный шлейф дыма, окутывающий городские кварталы. Это смог — смесь дыма, извергнутого фабричными трубами, городских испарений и выхлопных газов.

Смог настолько ядовит и агрессивен, что его не выдерживает даже сталь. Если, например, стальную пластинку в течение всего лишь двух месяцев продержать в среде, которой, кстати сказать, дышат на Западе миллионы людей, она становится коричневой, как шоколад. По её поверхности во все стороны расходятся глубокие следы коррозии! И это не удивительно: ведь смог содержит угарный газ, окислы азота, свинец и углеводороды.

Стандартизация вступила в решительную борьбу со смогом. Она потребовала установки в жерле каждой заводской печи специальных фильтров, которые улавливали бы вредные примеси и не выпускали их наружу. Оказалось, что одной только пыли и твёрдых частиц заводские трубы выплёвывают сотни тонн. В Польше рядом с металлургическими заводами выросли целые горы этой пыли. Её было так много, что металлурги уже не знали, как от неё избавиться, пока наконец не нашли выход. Из этих отходов они научились делать кирпичи. И вот в польских рабочих посёлках начали вырастать дома «из дыма», как их в шутку называют местные жители.

В опасности не только атмосфера. Недавно все газеты Запада обошло тревожное сообщение о том, что воды Рейна на десятки километров окрасились в красный цвет. Течение несло множество отравленной рыбы, всплывшей на поверхность. Как выяснилось, химиче-

ские концерны выпустили в реку отходы своего производства, которые и привели к этим тяжёлым последствиям. В Советском Союзе такого не допускается, но и наша природа тоже нуждается в защите.

МОДНЫЕ «БЛИЗНЕЦЫ»

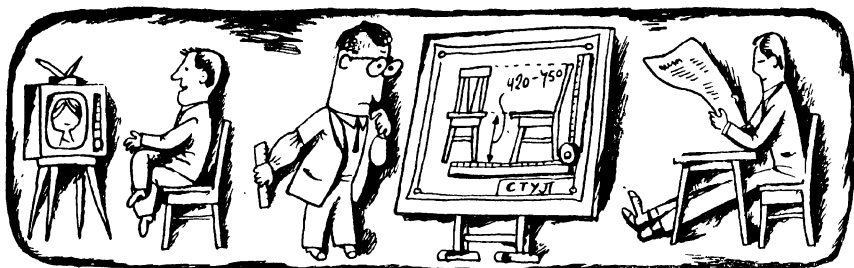
Представьте, что однажды, включив свой приёмник, вы услышали следующее объявление: «Универмаг «Пассаж» к весеннему сезону получил большую партию женских стандартных шляп всех размеров. Спешите приобрести эти недорогие и практичные шляпы». Можно не сомневаться: у прилавков универмага очередь бы не выстроилась. Ведь даже примеряя шляпу, сшитую по специальному заказу, некоторые модницы хмурят брови: «Какая она стандартная, безвкусная, нет, мне такая не нужна». А тут с самого начала было объявлено, что все шляпы стандартные, так что наплыва покупателей в «Пассаже», конечно, не было бы.

Не значит ли это, что стандартизация хороша только для промышленности? Не будем спешить с выводами. Давайте лучше подумаем: противоречат ли друг другу понятия — мода и стандарт?

Совсем недавно последним криком моды были короткие платья. Сейчас модницы предпочитают длинные, до пят, одеяния. Разве эти два направления женской моды не являют собой два образа: стандарт-мини и стандарт-макси? Безусловно. Тогда почему же нередко слово «стандарт» употребляют, когда говорят о заведомо немодной вещи? Происходит это оттого, что возможности стандартизации наша промышленность использует далеко не полностью. Ведь её задача в том и заключается, чтобы найти модный, элегантный силуэт и узаконить его, то есть стандартизировать. Тогда все швейные фабрики будут выпускать только модные костюмы и платья. Но вот возникает другое затруднение. Допустим, мы выпустили огромное количество женских платьев самого модного покроя. Но если они все совершенно одинаковые, получится ужасающе однообразная картина.

Значит, всё-таки стандартизация и мода несовместимы? Отнюдь нет. Мы не будем стандартизировать какое-то одно конкретное платье или костюм, а стандартизируем модный силуэт, ту основу, которая даст нам множество разнообразной одежды. Метод шитья по способу «единой основы» получил признание у швейников. Он заключается в следующем: художник-конструктор создаёт красивую модную модель-основу. А затем, по мере необходимости, к ней добавляются незначительные изменения, которые делают платья совершенно непохожими.

Не так давно две московские швейные фабрики — «Москвичка» и «Чайка» — показали интереснейшую коллекцию платьев. Внешне они не были особенно броскими. Аккуратно сшитые, они красиво облегали фигуры манекенщиц. Очень удивились зрители, когда ведущий

объявил, что вся эта коллекция, состоящая из десяти, казалось бы совершенно непохожих, платьев, шита из одной ткани и по одной основной модели! Это сообщение буквально ошеломило многих выдавших виды швейников. Вот что может дать стандартизация моде!

Однако вы вправе спросить: если одежда, выпускаемая массовым способом, может быть такой разнообразной, почему на прилавках магазинов ещё часто, слишком часто, встречаются модели устаревших фасонов? Происходит это потому, что швейники, изготавливавшие их, не ориентировались на стандартный модный силуэт, а предпочли создать уникальное, неповторимое платье. Прошло немного времени, и модель приелась. Платье перестало быть привлекательным. Если бы выпускающая его фабрика пользовалась методом «единой основы», она без труда видоизменила бы модель, и платье снова обрело бы спрос.

СТУЛ ДЛЯ ГУЛЛИВЕРА

Стандарт заботится и о том, чтобы наш быт был комфортабельным и продуманным. Без стандарта невозможно сделать даже такую простую, казалось бы, вещь, как... умывальник. Это не шутка. Ведь если бы не было стандартов, каждый выпускал бы умывальники на свой аршин. Одни из них могли бы оказаться такими маленькими, что над ними пришлось бы сгибаться в три погибели, а до других было бы не дотянуться. Поэтому, прежде чем взяться за разработку и утверждение ГОСТа (Государственного стандарта), инженеры-конструкторы должны установить, каким должен быть умывальник, какую должен иметь ширину и высоту, где расположить кран и источник воды.

На первый взгляд стул кажется на редкость незатейливым изделием: четыре ножки, сиденье и спинка — вот и вся премудрость. Но спросите любого конструктора мебели, что труднее всего спроектировать, и он, не задумываясь, ответит — сиденье стула.

К стулу предъявляются очень серьёзные требования: он должен обеспечить сидящему человеку правильную позу и давать возможность менять её, чтобы не перенапрягалась одна и та же группа мышц. Причём поза человека зависит от того, чем он занимается. Вы, наверное, обращали внимание, что человек, ведущий оживлённую беседу, принимает позу совершенно не похожую на ту, которую принимает человек, смотрящий телевизор. При прослушивании музыкальных передач, сидя в зале кинотеатра, мы подсознательно выбираем позу, которая наиболее удобна. Но ведь стул всё время остаётся одним и тем же стулом. Он-то не меняется. Его размеры во всех случаях одни и те же. Поэтому его конструкция должна учесть все возможные

позы человека. А это уже задача ГОСТа. При разработке стандарта на стул инженеры, во-первых, учли длину голени человека. Ведь ножка стула ни в коем случае не должна быть больше голени. Иначе многие люди попросту не дотянулись бы ногами до пола. Если же стул будет изготовлен слишком маленьким, возмутятся «Гулливеры».

Вот в каком сложном положении оказались инженеры, разрабатывавшие ГОСТ на мебель.

Тогда они решили сравнить те неудобства, которые претерпевают люди маленького и большого роста. Оказалось, что при сидении на слишком высоком стуле у человека нарушается кровообращение в нижней части бедра, а при сидении на слишком низком образуется острый угол между туловищем и бедром, что может привести к сутулости и даже к желудочным заболеваниям. Но у высокого человека есть один очень простой и очень надёжный в то же время выход: он может вытянуть ноги вперёд. Кровообращение при этом сразу же восстанавливается. Поэтому было решено ввести в ГОСТ несколько заниженную высоту стула. Она составляет в СССР 420—450 миллиметров.

Для уменьшения утомляемости стул должен иметь спинку, чтобы в области поясницы у сидящего была «подпорка». Но она ни в коем случае не должна стеснять движения человека. И это тоже учитывает стандарт. Он предусматривает такие требования, которые гарантируют удобство работы, отдыха и развлечений на стульях, изготовленных индустриальным способом. Точно так же стандарт даёт нам уверенность в том, что любой предмет обихода — и умывальник, и газовая плита, и все другие вещи будут одинаково удобными и практичными.

СТАНДАРТ ПУТЕШЕСТВУЕТ

Разумеется, стандарт опекает вас не только в пределах квартиры. Вот вы садитесь в пассажирский поезд. Свисток — и состав трогается. Всё чаще стучат колёса. Скоро родной город исчезнет в голубой дымке. Но не думайте, что стандарт остался на перроне. Нет. Он здесь, с вами. Он по-прежнему заботится о вас. Ведь прежде чем поезд стал «стандартизированным», немало пришлось потрудиться инженерам и конструкторам Рижского вагоностроительного завода, где он был изготовлен.

Они решили создать такой стандарт на поезд, чтобы его вагоны были комфортабельными, создавали наибольшие удобства для пассажиров.

Любое путешествие начинается с того, что вы входите в вагон. В одной руке у вас — увесистый чемодан, а в другой — большая плетёная корзина.

Если дверь окажется недостаточно широкой, вам в неё не удастся протиснуться. Вместе со своими вещами вы застрянете в проходе. Мало того, что вы будете нервничать, вы ещё задержите отправление поезда, потому что за вами соберётся целая толпа пассажиров, которым тоже будет не попасть в вагон. Чтобы этого не произошло, ГОСТ предусматривает такой размер дверного проёма, который был бы приемлем для всех случаев жизни. Войдя в вагон, вы осматриваетесь — надо куда-то поставить вещи, иначе они создадут неудобства для соседей. Поэтому под самым потолком в вагоне установлены багажные полки. Вы кладёте свой чемодан на одну из них и можете спокойно читать газету. Чемодан не упадёт даже при самой сильной тряске, потому что полка наклонена к стене, и этим вы тоже обязаны ГОСТу.

Мерно стучат колёса, вот уже несколько часов поезд в дороге. За окном смеркается. Читать становится всё труднее и труднее. Наконец вспыхивают электрические лампочки. Вы продолжаете читать, даже не изменив позы. Только про себя отмечаете: «Как хорошо, что свет зажгли». Уж здесь-то, наверное, стандарт ни при чём? Но нет, ведь именно стандарт предусмотрел уровень освещённости, при котором можно читать, не напрягая зрения.

Не забыли инженеры, разрабатывавшие стандарт на поезд, и о локомотивной бригаде. Кабина машиниста спроектирована так, чтобы до любого рычага управления можно было быстро дотянуться и привести его в движение. На этом можно сэкономить, правда, всего лишь доли секунды, но ведь за секунду поезд проходит десятки метров!

Громыкает на стыках рельсов наш экспресс. В любой момент ведущий его машинист готов предотвратить опасность. Его глаза прикованы к убегаящей колее. Но в то же время он должен внимательно следить за показаниями приборов. Это не так-то просто. Попробуйте одновременно смотреть на два предмета, расположенные в разных местах. Очень скоро ваше зрение утомится. Но машинисту нельзя терять «рабочую форму». Чтобы помочь ему, инженеры ввели в стандарт требование: приборы должны обладать хорошей «читаемостью». Достаточно машинисту быстро, почти не отрывая глаз от дороги, взглянуть на приборную доску, и он тотчас видит чётко обозначенные стрелки приборов, их рельефные, окрашенные в яркую контрастную краску шкалы.

Машинисту не нужно вглядываться в них, определяя, с какой скоростью идёт состав, сколько оборотов делает двигатель. Цифры сами врезаются в сознание.

Но вот и цель вашего путешествия. Появляется проводник и объявляет нужную станцию. Вы выходите из вагона и оказываетесь на большом железнодорожном вокзале. Вы, конечно, теряетесь. Кругом шум, суета. Недаром в народе ходит поговорка: как на вокзале. То и дело незнакомые люди дёргают вас за рукав и спрашивают: «Где буфет? Где камера хранения? Где кассы?» А между тем сами не знаете, где что находится. Даже вокзальные указатели мало помогают, потому что какие-то они все разношёрстные, краска на многих облезла, так что разобрать надписи очень трудно. Но ничего. Не отчаивайтесь. Стандартизация поможет вам и здесь.

Недавно художниками-конструкторами был разработан интересный проект. Они вспомнили, что 80 процентов информации об окружающем мире человек воспринимает зрительно. Вот и решили разработать набор табличек, который мог бы помочь пассажирам во всех затруднительных случаях.

Скоро такими табличками украсятся все вокзалы страны. Так что куда бы вы ни поехали — в Новосибирск или в Симферополь, — одного беглого взгляда вам будет достаточно, чтобы сориентироваться. Ведь после того как таблички будут стандартизированы, всем начальникам вокзалов страны придётся волей-неволей завести у себя таблички установленного образца. А пока давайте заглянем в портфель художников-конструкторов и посмотрим, что собой представляет эта система таблиц.

Она состоит из 33 рисунков. Вот первый из них. На нём изображена стрела, её остриё упирается в верхнюю «штангу» буквы «П». Вы, конечно, догадались, что знак этот обозначает «вход». На знаке нет никаких пояснительных надписей, но он так выразителен, что они и не нужны. Где бы он ни висел — в Азербайджане или в Эстонии, всем ясно: иди по направлению, указанному стрелкой, и попадёшь к входу.

Рядом с этим — очень похожий знак, только стрела упирается в ту ж штангу буквы «П» с обратной стороны. Ну конечно же, это — выход.

Вместо обычных строгих надписей «Курить строго воспрещается, за нарушение штраф» на следующем рисунке изображена дымящаяся сигарета, перечёркнутая красной чертой. Черта эта проведена решительно и властно, она словно разрезает сигарету надвое.

Если же какому-нибудь заядлому курильщику станет невмоготу, он легко найдёт другую табличку, точно такую же, как предыдущая, но уже без красной черты. Этот знак так и говорит — идите сюда, место для курения здесь! На каждом вокзале обязательно есть парикмахерская. Для неё тоже своё обозначение — табличка, на которой нарисованы ножницы и расчёска. Мы не будем рассказывать вам о всех знаках этой интересной системы, вы их сами увидите на вокзалах страны.

А теперь — посмотрите вокруг. Почти все окружающие нас вещи — и стол, и стоящая на нём посуда и даже сливочное масло — всё это сделано по стандарту.

«**МЕСТО** ожидаемых состязаний представляло теперь великолепное зрелище. Покатые галереи были заполнены всем, что было родовитого, знатного, богатого и красивого на севере Англии и в средних её частях...

Герольды закончили чтение правил обычными возгласами: «Щедрость, щедрость, доблестные рыцари!» В ответ на их призыв со всех галерей посыпались золотые и серебряные монеты. Герольды вели летописи турниров, и рыцари не жалели денег для историков своих подвигов...

Красивое и вместе с тем устрашающее зрелище представляли эти рыцари, молодежато сидевшие на конях, в богатых доспехах, и готовые устремиться в ожесточённый бой...

Трубы затрубили, копья разом склонились и укрепились в упорах, шпоры вонзились в бока коней, передние ряды обеих партий полным галопом понеслись друг на друга и сшиблись посреди арены с такой силой, что гул был слышен за целую милю...

Но мало-помалу ряды сражавшихся начали редеть: одни признали себя побеждёнными, других прижали к ограде в конце арены, третьи лежали на земле раненые, и храмовник с рыцарем Лишённым Наследства сошлись наконец лицом к лицу. Соперники...»

Впрочем, довольно! Уверен, что вы и так уже догадались, откуда взяты эти строки, потому что трудно найти в мировой литературе другое произведение, в котором бы столь красочно, зримо и впечатляюще был описан средневековый рыцарский турнир. Ну конечно же, это «Айвенго» Вальтера Скотта. Одна из тех счастливых книг, которой, как и «Робинзон Крузо», «Приключениями Гулливера» или «Островом сокровищ», мы зачитываемся в детстве, а затем охотно перечитываем и в зрелом возрасте, и в глубокой старости.

Правда, Вальтера Скотта мы любим не только за «Айвенго», хотя именно этому роману суждено было стать одним из самых знаменитых произведений шотландского писателя, его великим художественным дости-

жением. А кто из вас не читал «Роб Рой» и «Квентин Дорвард»? Они тоже неотделимы от нашей юности.

Чем же так покоряют нас исторические романы Вальтера Скотта? Ведь в числе горячих поклонников писателя были Байрон и Гёте, Бальзак и Пушкин, Белинский и Гоголь, Тургенев и Бестужев-Марлинский, Гюго и Карл Маркс, который, по свидетельству его дочери Элеоноры, постоянно перечитывал Скотта, восхищался им и знал его очень хорошо...

Вальтер Скотт родился двести лет назад — 15 августа 1771 года — в столице Шотландии Эдинбурге, в

интеллигентной семье. Отец его был юристом, мать — дочерью профессора. Но дед (по отцовской линии) всю жизнь оставался фермером, человеком малограмотным, хотя и весьма уважаемым в округе. К нему-то в деревню и был отправлен трёхлетний Вальтер после того, как перенёс тяжёлую болезнь, сделавшую его хромым на всю жизнь.

В окрестностях фермы, овеванных романтикой прошлого, он видел разрушенные старинные здания, мрачные развалины Смальгольмского замка. От слуг и бабушки маленький Вальтер услышал немало волнующих рассказов о своих предках, о подвигах шотландских воинов и героев, легенды о буйтаре-горце Роб Рое (Рыжем Робе) — вожаке ватаги отчаянных голов, который был под стать любимому герою английских народных баллад Робину Гуду.

Рассказы, предания, легенды, сказания, баллады!.. Как тут не развратиться воображению! Живой интерес к фольклору, проявившийся у будущего писателя очень рано, не покидал его до конца жизни, помогая создавать яркие, запоминающиеся характеры.

Двенадцатилетним мальчиком Скотт поступил в Эдинбургский университет, а по окончании его пять лет работал в адвокатской конторе отца, после чего перешёл в Эдинбургский суд.

В свободное от судебных заседаний время молодой адвокат объезжал верхом различные районы Шотландии, записывал воспоминания очевидцев суровых и бурных событий прошлого, песни. Позднее он издаст их в трёх томах под названием «Песни шотландского порубежья».

В это же время Скотт начал писать и сам — баллады и романтические поэмы. Их сюжеты были, как правило, связаны с историческими событиями средневековья, а форма отличалась значительным совершенством. Одну из первых баллад Вальтера Скотта перевёл на русский язык В. А. Жуковский, выпустив её в свет под названием «Замок Смальгольм» (у автора она называлась «Иванова

ночь»). Шумный успех у публики имели поэмы «Песня последнего мексестреля», «Мармион», «Дева озера». Красочность и историзм переплетались в них с романтической фантастикой, действие происходило на фоне сурового шотландского пейзажа.

Скотт, однако, был скромнен и не переоценивал своего поэтического дарования. После того как увидели свет первые песни «Чайльд Гарольда», Скотт-поэт, преклоняясь перед Байроном, без колебаний уступил ему пальму первенства и признал, что его собственной поэтической славе суждено померкнуть при свете новой восходящей звезды. «Благоразумие побудило меня, — писал он впоследствии, — спустить паруса перед гением Байрона... Изображением страстей и глубоким знанием человеческого сердца он согнал меня с поля». Но тогда же начала восходить и звезда Вальтера Скотта — звезда выдающегося романиста, создателя и непревзойдённого мастера исторического романа.

Издание поэм и почётная должность секретаря суда дали Вальтеру Скотту достаточно средств для того, чтобы он мог купить довольно обширное поместье, которое писатель назвал Эбботсфорд. Он поселился в доме, построенном как средневековый замок. Туда приезжало много писателей, журналистов, общественных деятелей.

В 1814 году, случайно натолкнувшись на отрывки рукописи романа, начатого им ещё за десять лет до этого, но раскритикованного одним из его друзей, Скотт снова засел за работу. Он трудился с поразительной быстротой и в течение трёх недель завершил произведение. «Уэверли, или Шестьдесят лет назад» — так назывался этот роман Вальтера Скотта, посвящённый борьбе Шотландии за самостоятельность. Всё в нём показалось читателям новым, необычным, чарующим и поэтическим. О нём сразу заговорили как о выдающемся событии в литературе, много писали журналы и газеты. Слава «Уэверли» вскоре разнеслась по всей Европе. Но...

Скотт выпустил свой первый роман анонимно, то есть без указания своего имени, и ещё долгое время отказывался раскрыть своё инкогнито, подписывая все последующие романы — «Автор „Уэверли“». Его прозвали «великим незнакомцем». И это окружило образ писателя ореолом величия — образ, столь же таинственный, сколь и привлекательный.

Тем не менее многие догадывались, кто скрывается за подписью «Автор „Уэверли“», и первым среди них был Байрон.

Могучий, щедрый талант Вальтера Скотта и его удивительная работоспособность, его широчайшая эрудиция привели к тому, что за семнадцать лет (он умер в 1832 году) писатель создал двадцать восемь романов, а кроме того — немало научно-литературных, исторических и публицистических работ (в том числе такую огромную, как девятитомная биография Наполеона Бонапарта).

Трудился Вальтер Скотт с удивительной легкостью и вдохновением. Он садился утром к столу и писал без передышки, без видимого напряжения много часов подряд — словно кто-то невидимый диктовал ему его создания, — до тех пор, пока дневная норма не была выполнена. Не перечитав, он тут же отправлял рукопись в типографию.

Всего за шесть недель был написан следующий после «Уэверли» исторический роман Скотта — «Гай Маннеринг», первое издание которого в количестве двух тысяч экземпляров разошлось на другой же день после выхода в свет. А тем временем «великий незнакомец» уже трудился над новым произведением.

«Антикварий», «Пуритане», «Роб Рой», «Эдинбургская темница», «Ламмермурская невеста», «Кений-

ворт», «Вудсток», «Пертская красавица», «Квентин Дорвард», «Айвенго»...

На огромных, глубоких по охвату исторических событий живописных полотнах, полных не виданных дотоле красок, Вальтер Скотт раскрыл перед читателями целый мир былых людей, былых нравов, одежд, столкновений, героев, причём сделал это в удивительно доступной, увлекательной и поэтической форме. Он словно физически переносит вас в ту эпоху и в ту среду, о которых пишет, и, право, начинаешь верить, что машина времени всё-таки существует. История в поэзии и поэзия в истории — вот характернейшая черта вальтер-скоттовских романов.

«Слепая фортуна, — писал один из философов прошлого века, — изливала на него все дары, он был любимцем королей, и крестьян, и всех средних классов. Все европейские народы с нетерпением ждали каждого его романа. Редко литературная слава подымалась так высоко и никогда не распространялась так широко».

Очень чутко уловил причину увядаемого успеха романов Скотта великий русский критик В. Г. Белинский, который говорил, что его гений, проникнутый духом Шекспира, dokonчил соединение искусства с жизнью, взяв в посредники историю.

Чтение романов «великого чародея», как прозвали гениального шотландца современники, доставляет не только великое наслаждение — оно помогает нам проникнуть в дух и суть эпох минувших, почувствовать их не только умом, но и сердцем.

Друг Пушкина поэт и критик князь П. А. Вяземский назвал автора «Айвенго» и «Роб Роя» *превосходнейшим писателем всех народов, всех веков.*

Минувшие полтора столетия подтвердили эти слова.

Вл. САШОНКО.

Никтополион из Чесмы

В начале августа 1770 года у шлагбаума Средней Рогатки Санкт-Петербурга остановился возок, запряжённый тройкой. Премьер-майор Юрий Владимирович Долгоруков, предъявив дежурному унтер-офицеру подорожную, нетерпеливо ждал конца проверки. Тридцать шесть суток мчался он от побережья Азова в столицу, вёз пакет генерал-аншефа Алексея Орлова с реляцией о славной победе российского флота над турецким в Чесменской бухте Эгейского моря.

Полосатый брус шлагбаума наконец поднялся, ямщик хле-

стнул по лошадям, и возок снова утонул в облаке дорожной пыли. Скоро показалась финская мыза Кукко-ракас-киекуа, что значит Крик влюблённого петуха. Здесь, на берегу пруда, у берёзок, Долгоруков увидел придворную карету с гербами, конный конвой и двух женщин, кормивших у берега уток. В одной он узнал императрицу Екатерину II.

— Стой, стой, леший! — ткнул Долгоруков в спину ямщика.

Возок остановился. Сбросив епанчу, князь выпрыгнул на землю и, лихо щёлкнув шпорами, протянул Екатерине пакет. А затем достал из-за борта мундира флаг турецкого корабля «Родос» и, развернув его, рывком бросил на землю.

Пробежав глазами по бумаге, Екатерина радостно засмеялась:

— Ах, хорошо какво! — и поманила начальника конвоя: — В Царское не поедem, вернёмся в Зимний, и быстрее. Подавайте карету. А тебя, князь, — обернулась она к Долгорукову, — поздравляю полковником и кавалером Георгия третьего класса. А на месте том, где ты мне радостную весть доставил и я флаг турецкий потоптала, повелю путевой дворец воздвигнуть и Чесменским его наименовать,

...Спустя восемь лет на месте финской мызы придворный архитектор Фельтен, копируя Дарданелльский замок, возвёл Чесменский дворец. Треугольное здание с круглыми башнями по углам венчалось большим барабаном, напоминая собор с недостроенным куполом. Рядом возникла пятибашенная церковь необычного для России готического стиля. Декорированная стрельчатыми кружевами и шпицами, обрамлявшими башенки, она с тех пор неизменно вызывает восхищение.

Внутри церкви, справа от входа, на стене находилась мраморная доска с надписью: «Сей храм сооружён во имя святого пророка Предтечи и Крестителя господня Иоанна, в память победы над турецким флотом, одержанной при Чесме 1770 года в день его рождения...»

А через десять лет, в день, когда в России пышно и торжественно праздновалось двадцатилетие учреждения ордена Георгия за военные заслуги, Чесменский дворец со всеми службами и угодьями был подарен капитулу¹ этого ордена, верховным командором которого была сама Екатерина. С тех пор здесь ежегодно совершались церемонии вручения знаков ордена вновь пожалованным кавалерам и заседала Дума капитула.

С течением времени дворец превратился в пантеон славы русского оружия. Его стены

украшали картины батальных подвигов на суше и на море. Талантливый скульптор Федот Шубин из розового каррарского мрамора изваял круглые медальоны с барельефами всех русских князей и царей от Рюрика до Петра I. Их было пятьдесят пять. Ещё позднее во дворце появилась живописная галерея из шестидесяти ростовых портретов королей и императоров стран Европы, современников Екатерины.

Дворец блистал до смерти Екатерины. Павел I, заступая место матери, люто её ненавидя, с яростной злобой ломал и уничтожал всё, что о ней напоминало. Дворец пришёл в запустение.

Лишь в 1830 году дворцу было найдено новое применение. После пристройки архитектором Штраубертом трёх двухэтажных флигелей он был преобразован в Чесменскую военную богадельню.

В 1879 году в богадельню был принят Никтополион Павлович Святский. В годы рус-

¹ Капитул — верховный орган ордена.

ско-турецкой войны он бесстрашно руководил артиллеристами на верхней палубе корабля. Разорвавшийся вражеский снаряд тяжело ранил младшего офицера. Корабль затонул, а офицеру, доставленному матросами в госпиталь, отняли обе руки и обе ноги.

С того дня для Никтополиона Святского, выходца из бедной семьи, наступила иная, наполненная страданиями, страшная жизнь. Ничем не могла помочь бедствовавшая сестра, отвернулась и ушла невеста.

Кругом бурлил чужой и равнодушный мир, в котором никому не было дела до калеки, нуждавшегося в непрерывной заботе.

Сколько унижительных просьб, брезгливых холодных взглядов, оскорбительного невнимания и чёрствой жестокости выпало на его долю, прежде чем на прошении появилась надпись: «Принять».

Гнетущая тишина богадельни, размеренный нерушимый порядок, воинская субординация сковывали и подавляли инвалидов, а мелкие склоки, подслушивание и лихое мздоимство вороватых служителей отупляли и доводили до отчаяния.

Никтополион часами лежал на лазаретной койке, придумывая и тут же отвергая несбыточные планы, которые могли бы спасти его от тоски, отвлечь от назойливой мысли — уйти из жизни. Ведь даже убить себя он без посторонней помощи не мог. Ах, если бы как-то украсить существование трудом, сделать жизнь целесообразной,

хоть чуточку кому-то нужной. И снова думы, думы. Однажды, словно искра, сверкнула мысль — писать! Рук нет, зубы есть. Они и заменят недостающие руки.

Каких это стоило трудов! Карандаш, вставленный в деревянную колодку, зажатую зубами, колебался, дрожал, прыгал. Стоя в кресле, навлекаясь грудью на стол, Никтополион, в напаянном на него опостылевшем мундире и погонях с шифром «ЧВБ», часами водил карандашом по бумаге.

Отчаянное упорство и злое терпение всё же привели к успеху. День за днём буквы становились красивее, строчки ровнее. И странно: однажды он с удивлением заметил, что почерк у него всё тот же, что был, когда он писал руками. Почему бы это?

Через год Никтополион научился писать каллиграфически. Соседи-инвалиды дивились:

— На что ему это? Будто в чиновники хочет податься.

А начальство хмурилось:

— Чёрт знает что он там писать намеревается, кому и о чём?

Святский же был счастлив. Перед ним открылась возможность излить на бумаге то, что давно просилось из сердца к людям. Быть может, кто-то сострадательный прочтёт и ласково отзовётся на его вопль отчаяния.

*И где писалось мне?
Средь стонов и страданий,
Разбитых жизнью*

Несчастливых бедняков,
 Меж тяжких дум
 И редких упований
 Тоски глухой
 Сжимающих оков.
 Зубами я писал,
 И рук и ног лишённый,
 Гнал прочь
 Незатухающую боль,
 Судьбой обиженный,
 Забвением оскорблённый,
 Глотая слёз
 Невысушенных соль.

Стихи были наивными, немелкими, хромал размер, не всегда давалась рифма. Лишённый общения с писательской средой, он искал себе помощи в редких поэтических книжках скудной богаделенской библиотеки. Невозможно представить себе чувства Никтополиона, когда однажды в сборнике русских поэтов и поэтесс, составленном Клобуковым, появились два его стихотворения: «Золотую ли нить мне прядёт» и «Отчего же мне ночи не спяты». Роняя слёзы, он показывал и читал их всем, кто был рядом:

— Признали меня, признали! Я ещё и не такое сочиню. Лишь бы бумаги в досталь!

А бумаги ему действительно взять было негде, писарь богадельни был скуп. Окрылённый поэт не разлучался с карандашом. Ныли зубы от постоянного напряжения, но он неумолимо писал и писал:

Катитесь же, волны,
 На север далёкий,
 Ах, как бы за вами
 Умчаться и мне,
 Но видите, волны,
 Мой жребий жестокий,
 Снесите ж привет мой
 Родной стороне.

Тоску по местам, где прошло детство и куда больше попасть ему не доведётся, он изливал в стихах:

А река-то, река,
 Сколько памятных дней
 Подарила она
 Прошлой жизни моей.
 К ней в мечте и во сне
 Я на крыльях лечу,
 У прозрачной воды
 Посидеть вновь хочу.

Но стихи мало что изменили в жизни Святского. Окружавшие его люди были безразличны к стихам. Никтополион стал замкнутым, угрюмым, недоверчивым. Сказалось это и на творчестве:

Надежды корень
 Вырван злыми.
 Разбито сердце бедняка,
 Томлюсь, страдая,
 Меж чужими.
 Грызёт — грызёт
 Меня тоска.

И было отчего. Насмешки, поощряемые начальством, скоро переросли в травлю и откровенное издевательство. Злобствующие надзиратели забыли, что перед ними беспомощный калека.

Они клеветают на меня,
 Глупцом иные называют,
 Но глух и нем останусь я,
 Глупцы глупцов лишь
 возмущают.

В стихах Никтополиона заметно чувствовалось влияние Некрасова — певца народного горя. Святский тоже постоянно писал о нужде и горе бедняков, в его строках чувствуется душевная боль, пережитая автором.

Однажды в богадельню за-
явился жандармский офицер.
Войдя в кабинет генерала от
артиллерии Оwandера, он, щёл-
кнув шпорами, представился:

— Ваше высокопревосходи-
тельство, по поручению шефа
корпуса жандармов, ротмистр
Грицевич.

— Слушаю, ротмистр!

— Ваше высокопревосходи-
тельство, как вам известно,
корпусу жандармов, полиции и
воинским частям гарнизона в
мае месяце довелось прило-
жить немалые усилия при по-
давлении бунтовщиков Обу-
ховского военного завода, что
в Невской части. Исследуя
обстоятельства мятежа, жан-

дармское управление обнару-
жило противозаконные листов-
ки, призывающие к борьбе с
государственными установле-
ниями. Обнаружены и рукопис-
ные сочинения, исходящие из
вверенной вашему высокопре-
восходительству богадельни.

— Эт-того не может быть,
ротмистр. Я не допущу столь
несуразного и нелепого ого-
вора.

— Ваше высокопревосходи-
тельство, — перебил рот-
мистр, — взгляните. — И он
протянул два листочка:

*Пред блеском призрачным
кумира*

*Он, как глупец, не трепетал
И главных всех из сильных
мира*

*Глаголом истины карал.
Он шёл навстречу угнетённым
Он беззаветно их любил
И с чувством боли затаённым
Защиты слово говорил...
Счастливый час придёт,
Сплотятся все, как братья,
Падёт тиран,
Насилие рухнет трон,
Какая ширь нас ждёт,
Раскроются объятья,
Свободы вспыхнет свет,
И навсегда умолкнет стон!*

— Нами установлено, —
продолжал ротмистр, — что
сии стихи написаны призрае-
мым вверенной вам богадельни
Святским.

— Ч-чёрт возьми!.. — расте-
рялся генерал, сражённый про-
читанным. Затем, побагровев
от гнева, завопил: — П-позвать
сюда эт-того негодяя, гнус-сно-
го писаку. Я его в Сибирь за-
катаю, в кандалы зак-кую мер-
завца!

— Ваше высокопревосходительство, — побелел от страха надзиратель. — Отставной лейтенант флота Святский явиться не может по причине отсутствия ног, а кандалов ему зацепить некуда.

— В-вон! — не помня себя, неистовствовал генерал. Мотнув головой ротмистру, он понёсся в лазарет. В палате, брызгая слюной и потрясая листочками, он обрушился на ничего не понимающего Никтополиона. Отборная фельдфебельская брань сыпалась словно из мешка.

— Т-тебя приютили, хлеб-соль жрёшь, а к свержению подстрекаешь, нег-годяй! Отставляю от богадельни! Навсегда! Вон, вон, вон! — Швырнув листки, генерал скрылся за едва не расколовшейся дверью.

Поэта выдворили в тот же день. От неминуемой гибели его спасли рабочие Московской заставы. Пустив шапку по кругу, они на собранные медяки поселили его угловым жильцом на окраине Царского Села. Там же подыскали сироту Таню в качестве няньки. Нашёлся и типограф, согласившийся напечатать в долг две книжечки стихов.

С тех пор каждый день у Царскосельского вокзала появлялась тележка, влекомая Таней. В ней, пристёгнутый ремнём к спинке, стоял чернобородый с пронзительными глазами мужчина с Георгием в петлице и громко читал стихи:

*Вот и я с моими песнями,
Как с товарами купец.
Выбирай-ка, ненаглядная!*

*Запевай-ка, молодец!
Может быть, тоску да горюшко
Чем-нибудь и заглушим...
Я их тоже пел не в радости,
Век скитаясь по чужим.
Эй вы, струны голосистые,
Взвеселите хоть на час!
Прочь, тоска-печаль кручинная,
Нам теперь уж не до вас!*

Если люди останавливались, Таня предлагала книжечки:

— Берите, не отказывайте, с этого живём. Кто сколько даст, а коли нет, берите так.

А Никтополион продолжал читать:

*Шевелись, не ленись,
Силы рук не жалеи!
Раскали добела,
Крепче молотом бей.
Разошёлся кузнец —
Только молот гремит,
Только дождик кругом
Искромётный летит.
Приударь, понаддай!
Не задавит нужда
(Ах, легко говорить
Да смотреть, господя).*

*Пошатнулся, упал,
Побелел, не глядит,
Только пена у рта
С чёрной кровью кипит.
Схоронили Петра,
Как и всех бедняков,
Он свободен теперь
От тяжёлых оков.
Спи же, труженик, спи!
Над могилой твоей
Туча слёзы прольёт
За родных и друзей...*

* * *

— Так и жили мы с ним, — закончила печальный рассказ Татьяна Семёновна Милашевская. — Пятнадцать лет. Много довелось горя и притеснений испытать Никтополиону Павловичу от царскосельского полицмейстера. Он во что бы то ни стало стремился избавиться от крамольника. Умер поэт в нищете. Хоронили на Больше-Кузьминском кладбище, за собором, близ могилы знаменитого архитектора Неелова. Потом литературный фонд России поставил на могиле памятник с необыкновенной эпитафией:

**Здесь покоится тело
Поэта-страдальца,
Писавшего зубами,
Сорок лет неподвижно лежавшего
С русско-турецкой войны
1877—1878 года
Никтополиона Павловича
СВЯТСКОГО,
скончавшегося 4 февраля 1917 года,
63 лет от роду.**

И вот почти четверть века спустя пришёл сентябрь 1941 года. Кипела война с фашистской ордой, рвавшейся к Ленинграду.

Воины пятой дивизии Ленинградского народного ополчения сражались на участке Большое Кузьмино — Пулковские высоты, одну за другой отбивая яростные атаки гитлеровцев. В полутора километрах от знаменитых Египетских ворот передний край обороны седлал ленинградское шоссе, пролегая через кладбище.

Здесь солдаты и обнаружили могилу поэта с надгробным камнем. Она стала известной всем воинам 42-й армии. Сохраняя могилу, солдаты укрыли её мешками с песком и дёрном, потому она и уцелела среди бушевавших вокруг огненных ливней.

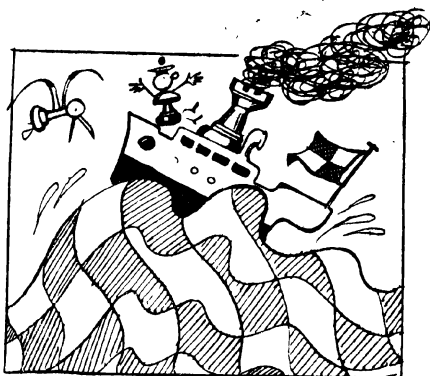
Жалкие руины поверженно-го в прах собора давно заросли бурьяном. Лежат здесь и разбитые в куски камни былых надгробий, а среди них в окружении дикого кустарника, словно под его охраной, камень Никтополиона Святского, воина-героя, поэта-чесменца.

Владимир ГАЛЬБА

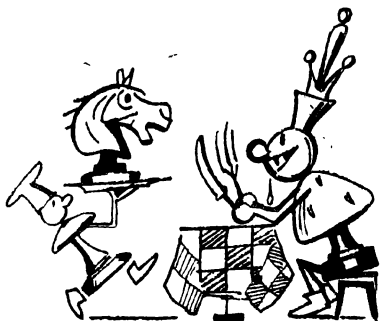

Е-два, Е-четыре! Е-два,
Е-четыре!

Ваше матное
Выпукло

Ладья терпит бедствие. Положе-
ние Е-два, Е-два...

Король хочет съесть коня.

Маугли даёт сеанс одновременной игры.

Так вы, значит, выиграли!..

Опять ничья...

ТАИНСТВЕННАЯ ИСТОРИЯ

«Шёл, шёл, и устал, и присел на пенёк.
Присел и увидел какой-то цветок.
Порхала какая-то бабочка. Села.
Какое-то дерево рядом шумело.
На нём я увидел какую-то птицу.
Какой-то червяк мне заполз под рубаху.
Какой-то зверёк пробежал по дорожке.
Ужасно кусались какие-то мошки.
В траве копошился какой-то жучишка...»
Рассказывал это какой-то мальчишка.
Мальчишка. Какой-то.
Но я про него
Не знаю и знать не хочу ничего!

„ЗНАЧИТ, ТАК...“

На плите обед доваривается,
Тётя с нами договаривается:

— Значит, так: промыть
лапшу

— Я вас, дети, попрошу.
Покрошите в суп картошку
И варите понемножку.
Эту рыбу дайте киске.
Всыпьте сахару в компот
И, пожалуйста, очистки
Бросьте в мусоропровод.
А из супа выньте кости
И в собачью миску бросьте.
Ну, ребята, я пошла...
...— Вот и я! Ну, как дела? —
Мы докладываем тётё
О проделанной работе:
— Значит, так: лапшу —

промыли,

В суп очистки покрошили
И варили понемножку.
Сахар всыпали в картошку,
Кости бросили в компот,
Рыбу — в мусоропровод.

— А куда несёте киску?
— Вон туда, в собачью
миску...
— Моё сердце
разрывается!!! —
Это тётя заговаривается.

ГОДЫ И ДЕЛА ПИОНЕРСКИЕ

(К фотоснимкам на 2-й странице обложки)

ЛУЖСКИЕ туристы, узнав, где погибла их славная землячка Тося Петрова, отправились походом в лес. Они разыскивали разрушенные временем, залитые водой партизанские землянки и принялись за работу. На месте гибели отважной партизанки установили обелиск, а землянку, где решили открыть музей памяти Тоси Петровой и её товарищей, пришлось строить почти заново. Расчистили тропинки, вбили колышки с указателями: пусть никто не плутает в лесу, пусть идёт напрямик в лесной музей!

И хоть война ещё в памяти у всех, мирная жизнь уже набрала полный разбег. Вот лаборатория Дворца пионеров, где работают юные авиаконструкторы. Правда, они пригласили в гости военного человека, трижды Героя Советского Союза И. Н. Можедуба. Но он ведь знаменитый лётчик и знает толк не только в военных самолётах.

А вот другая лаборатория Дворца. Умельцы соорудили электрифицированную карту Родины. На ней обозначены новостройки социализма, точнее, те места, где в недалёком будущем должны появиться новые заводы и шахты, плотины, электростанции, будущие искусственные моря. Эта карта — ясный взгляд в мирное будущее нашей страны.

И пионеры не ждут этого будущего сложа руки. В меру сил они тоже участвуют во всех взрослых делах. Перед вами цех Металлического завода имени XXII съезда КПСС. Но почему в цехе полно ребят, почему пионерское знамя? А потому, что завод построил новую мощную турбину и металл для неё собрали ребята. Вот и пришли они взглянуть на детище, которое по праву считают наполовину своим. Эта турбина будет светить людям, будет плазить сталь, молотить зерно, доить коров.

Новостройки — это не только заводы и электростанции. Вот с мастерком в руке склоняется к земле пожилой человек, по виду не похожий ни на каменщика, ни на штукатура. Кто он и почему с мастерком?

Это лучший друг ребят, основатель первого в стране театра для детей Александр Александрович Брянцев. В 1957 году он закладывает новый ТЮЗ, потому что старый, на Моховой, уже мал и не может вместить всех желающих.

Давно высится на Пионерской площади великолепное здание Театра юного зрителя. Трудно найти в городе пионера, не побывавшего в нём. А тогда на этом месте был пустырь.

Но если все увлечётся новостройками, то, пожалуй, будут стоять сплошной грехот и пыль. А кто же позаботится о том большом доме без крыши, в котором мы живём, — о природе?

Пионеры тут как тут. Лодка в камышах и два паренёка — это не прогулка, а охрана уток в Лахтинских заводах. Их развелось столько, что можно ловить руками. И чтоб неповадно было браконьерам, пионерский патруль не дремлет.

Девятилетний «ветеран»

(К фотографии на 3-й странице обложки)

СПРОСИТЕ любого спортсмена, и он вам расскажет о своих первых шагах в спорте, о первом соревновании. Потому что в памяти это остаётся на всю жизнь.

А вот П. Севостьянов рассказать не может. Просто не помнит. Когда он впервые сел за руль гоночной машины, ему было... два года.

Вы, наверное, посмотрите сейчас в окно на играющих в песочке двухлетних карапузов и не поверите мне. Однако это именно так: Петя Севостьянов с двух лет за рулём гоночной машины.

...Мы познакомились с ним этой зимой на ленинградском мототреке. Маленький красивый мотоцикл делал круг за кругом по опустевшей после соревнований ледовой дорожке. В самый раз по размерам мотоцикла был и гонщик — ученик 3-го класса 367-й школы Петя Севостьянов. Но это был самый настоящий мотоциклист, в шлеме, в ватнике, в валенках. Познакомились, разговорились...

— И часто ты здесь катаешься?

— Каждый выходной, да ещё и вечером иногда.

Петя разговаривал, так сказать, на равных, видно было, что он со всеми здесь знаком и чувствует себя, как дома. Его папа и мама — мастера спорта. Геннадий Петрович и Валентина Георгиевна Севостьяновы известны как одни из сильнейших мотокроссменов нашего города. И когда в их семье родился мальчик, родители без колебаний решили: быть ему мотогонщиком, и чем быстрее, тем лучше.

У Геннадия Петровича есть хороший друг, инженер Юрий Иннокентьевич Митропольский, человек, влюблённый в мотоспорт. Про таких людей говорят, что у них золотые руки. Когда мальчику исполнился год, его папа сказал Юрию Иннокентьевичу:

— Пете надо делать мотоцикл.

— Будет сделано, — ответил Митропольский, но справедливо рассудил, что ребёнку легче сначала осилить не два, а четыре колеса, и потому начал делать гоночную машину.

Делал он её целый год и успел как раз ко дню рождения Пети. День 27 августа 1963 года стал и днём рождения спортсмена-гонщика Пети Севостьянова.

Дома у Пети много разных игрушек, и все на колёсах. Но то были игрушечные машины и мотоциклы, а здесь настоящая машина. Петя, конечно, не знал её устройства, но он знал главное — на ней можно ездить, кататься.

Приехали на стадион имени С. М. Кирова. Невская кольцевая трасса видела многих известных гонщиков, но такого юного она принимала впервые. В тот же день дядя Юра с папой научили Петю управлять машиной. Правда, случилось непредвиденное осложнение: Петя минут через 10—15... засыпал за рулём. Но всё же к концу дня мальчик неплохо управлял машиной и временами так «газовал», что взрослым приходилось придерживать колёса и давать искусственный тормоз.

Через два года дядя Юра сделал Пете мотоцикл. Первая проба была на мототреке во время спортивного праздника. Зрители с удивлением и восторгом наблюдали, с какой лёгкостью и уверенностью ведёт четырёхколёсный мальчик свой красивый маленький, но настоящий мотоцикл.

В газетах и журналах появились фотографии и заметки о юном мотоциклисте. Им уже интересуются иностранные спортсмены и фанаты, приезжающие к нам на соревнования.

— Правда ли, что в Ленинграде есть восьмилетний мотогонщик? — спросил чемпион мира по мотокроссу бельгиец Жозель Робер, участник одного из этапов первенства мира, проходившего под Ленинградом, в Юкках, два года назад.

— Да вот он, — показали бельгийцу на белобрысого мальчугана, внимательно наблюдавшего за ходом гонок.

Робер берёт Петю на руки, что-то говорит по-бельгийски, фотографии щёлкают фотоаппаратами. Переводчик объясняет, что бельгиец просит мальчика показать, что он может. Петю не надо долго упрашивать: он всё и всегда делает на мотоцикле с удовольствием.

Чемпион мира был восхищён мастерством юного гонщика и подарил ему шлем.

...Каждый год во время спортивного праздника ленинградской пионерии на Дворцовую площадь выезжает маленький мотоциклист. Вот он разгоняет машину, въезжает на трамплин и под аплодисменты зрителей пролетает в воздухе... 12 метров.

Такое может сделать только опытный спортсмен,

Петя Севостьянов тоже может,

Ю. ФИЛИППОВ

НА ОСТРОВЕ РОБИНЗОНА КРУЗО

В просторах Тихого океана есть архипелаг Хуан Фернандес. Один из островов архипелага — остров Робинзона Крузо стал знаменит благодаря фантазии Даниэля Дефо, сделавшего его местом приключений героя своего романа.

Однако остров вполне реален. Основное население его живёт в посёлке Сан-Хуан Баутиста. Здесь есть маленький причал для

шлюпок, склады рыболовной компании, школа, маленькая электростанция.

Главный кормилец тут — океан. Однако рыба не главное, главное — лангуста. Это огромные раки. Вместе с клешнями и хвостом они достигают в длину полуметра. За сезон вылавливается до ста тысяч лангуст, высоко ценящихся во многих странах мира.

ПИНГВИН - ПУТЕШЕСТВЕННИК!

К советским полярникам в посёлок Мирный с дружеским визитом прибыла группа зимовщиков США. Возвращаясь на свою базу Мак-Мёрдо, они захватили с собой пингвина. Американские биологи решили проверить, как пингвин ориентируется на местности и возвратится ли он обратно в свою колонию.

Самолёт увёз пингвина за 2600 километров от Мирного. А через два дня гость с кольцом на лапе отправился до-

мой «пешком». Прошло более года. И вот на острове Фумар, вблизи Мирного, советские зимовщики обнаружили окольцованного пингвина — путешественника. Долог был его обратный путь вдоль побережья Восточной Антарктиды. Он прошёл около 4 500

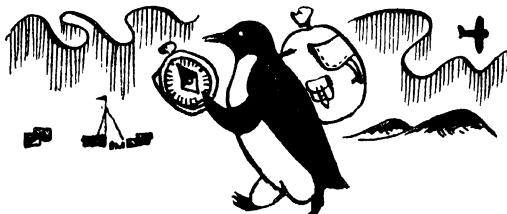
ПОЧЕМУ КАРЛИКИ...

В некоторых районах Африки и Малой Азии рост людей не достигает среднего. Оказывается, там сельское хозяйство лишено цинка. Его для нормального роста нужно чуть-чуть, но когда его нет, люди не растут.

ОСТРОВА ПУТЕШЕСТВУЮТ!

В Латвии есть озеро Унгурпилское. Примечательно оно своими островами. Их здесь больше десятка, и они вместе с растущими на них берёзами и ольхой... плавают. Разгадка такого необычного явления довольно проста: острова эти — торфяные.

километров по неизведанным просторам, чтобы вернуться в родные льды.

...падающая башня есть и в нашей стране? Этот уникальный памятник отечественной горнозаводской архитектуры построен в 1725 году в Невьянске (Свердловская область), когда владельцами уральских заводов были Демидовы. Высота башни 57,5 метра, толщина стен первого этажа 1,75 метра. Наклон башни от вертикальной оси составляет 2 метра и заметен издали. Башня реставрируется, после чего она примет свой первоначальный вид.

...и горы растут? За последние 12—14 тысяч лет горные массивы Центрального и Южного Тянь-Шаня стали выше на 800 метров. Тянь-Шань, считают учёные, продолжает расти и в наши дни. Ежегодно его хребты поднимаются на шесть сантиметров. Сделать эти расчёты помогли учёным ледники — свидетели тектонических процессов.

...икра морских ежей ценится на мировом рынке наравне с редчайшими деликатесами? Мясо уродливого осьминога, если его хорошо отбить, обладает нежнейшим вкусом.

...в начале века Лондон едва не остался без воды? Городской водопровод вдруг начал работать всё хуже и хуже. Повреждений после самой тщательной проверки обнаружить не удалось. Невидимый враг угрожал большому городу. Каново же было удивление специалистов, когда «преступник» был найден. Им оказался моллюск дрейсены. Он попал в водопровод и стал стремительно в нем разрастаться. Только вмешательство учёных предотвратило катастрофу.

...в штате Уттар Прадеш (Индия) во время грозы, продолжавшейся всего десять минут, выпал... «рыбный дождь»? Учёные высказывают предположение,

что рыбок, по-видимому, засосал из океана смерч и они «проплыли» по воздуху более полутора тысяч километров над Индией.

...солнечный Казахстан располагает гигантскими кладовыми... льда? Общая площадь их превышает 2000 квадратных километров. По подсчётам учёных, на территории республики насчитывается 2720 очагов оледенения. Если бы растопить весь этот лёд, вода заполнила бы резервуар в 70 кубических километров.

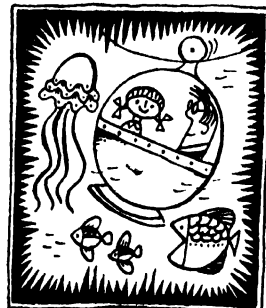
...между Очаковым и Одессой есть узкая полоса земли, врезающаяся в море почти на 60 километров? Это Тендровская коса — место очень безлюдное. Сейчас хозяевами косы стали учёные. Они предполагают создать здесь базу для научно-исследовательских работ с дельфинами. Намечается построить 50-метровый зимний бассейн для дельфинов, использовать имеющиеся поблизости крупные озёра с солёной морской водой. Ближайшая задача учёных — вступить в контакт с этими разумными животными, попытаться использовать их в интересах человека.

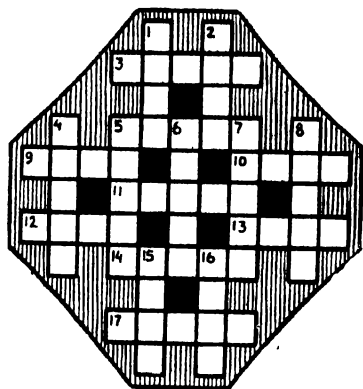
...почти треть территории Венгрии «лежит» на поверхности горячего бассейна — остатков ушедшего под землю древнего моря Паннонии? Этот бассейн пролегает на различных глубинах — от 250 до 1800 метров, и его воды обладают целебными свойствами.

...во Франции построена канатная дорога... под водой? Вы садитесь в маленькую кабину, верхняя часть которой сделана из прозрачного плексигласа. Кабина погружается на глубину до 8 метров и движется со скоростью 48 метров в минуту. В это время вы любуетесь удивительной картиной подводного мира.

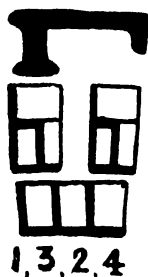
КРОССВОРД

По горизонтали. 3. Страна света (горизонта). 5. Тяжёлая сабля, прямая и длинная, обоюдоострая к концу. 9. Населённый пункт. 10. Шахматная фигура. 11. Скульптурное воспроизведение из пластических материалов каких-либо предметов. 12. Бегающая птица. 13. Город в Бельгии. 14. Употребляемая в Средней Азии чашка для питья. 17. Спортивный бег по естественно пересечённой местности.

По вертикали. 1. Одна из самых ярких звёзд нашего неба (по блеску уступает лишь Сириусу). 2. Река, на берегах которой стоит один из красивейших городов мира. 4. Коричневая краска. 5. Животное, продуктом жизнедеятельности которого бывают рифы, острова и целые архипелаги. 6. Игра с мячиком. 7. Деталь термометра. 8. Советский самолёт-гигант. 15. Забава, развлечение. 16. Принадлежность аквалангиста.

РЕБУС-МАЛЫШ

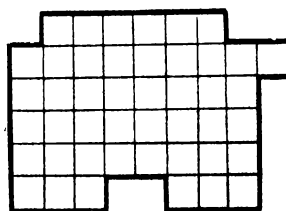

Какое слово зашифровано в этом маленьком ребусе, как вы думаете?

Отдел ведёт Вадим Ахентьев

НА ЧЕТЫРЕ ЧАСТИ

Разделите эту доску на четыре части, каждая из которых представляла бы собою букву. Буквы же должны получиться такие, чтобы из них можно было сложить слово, хорошо известное каждому футболисту и каждому болельщику...

ЭТО СКАЗАЛ СЕРВАНТЕС...

И	М	Н	В	Ы	Х
З	О	Л	О	О	О
Г	М	А	Д	Ш	Е
И	Х	И	Л	Ь	М
О	Т	Б	О	Н	.
Д	Н	О	О	Г	О

С помощью непрерывной ломаной линии обойдите все клетки квадрата, побывав в каждой только раз, и прочтите афоризм М. Сервантеса.

Начинайте с левого верхнего угла квадрата.

ЗАДАЧА СО СЛОГАМИ

```

  _ | ЛОН
  _ | _
КО | _
  
```

```

БУ | _
  _ | _
  _ | МА
  
```

Какими слогами заменить чёрточки, чтобы можно было прочесть два слова по горизонтали и два по вертикали?

ОДНО СЛОВО

В этом ребусе зашифровано только одно слово... Попробуйте его прочесть.

Содержание

Пятнадцать друзей. Золотые струны. Стихи Мирзиза Агзама	1
Юлька-заморыш. Продолжение повести Бориса Равеского	3
Весёлые кони. Стихотворение Т. Мамоновой	20
Грач. Сердитый и груша. Стихи Э. Островской . . .	21
Прогулка на марс. Очерк Ю. Коршака	22
Как я не стал художником. Рассказ Леонида Палея .	25
Что теряют девочки? Стихотворение Игоря Смольникова	27
Аттила и Алитта. Гибель Христофора Колумба. Сказки Поля Гюта	28
Дан старт, идёт стандарт. Очерк Вадима Белоусова	37
Великий чародей. Статья Вл. Сашонко	45
Никтополион из Чесмы. Очерк П. Кобзаревского и П. Юревича	49
Шахматные шутки. Рисунки Владимира Гальбы	56
Таинственная история. «Значит, так...». Стихи А. Шибаяева	58
Годы и дела пионерские. Десятилетний «ветеран» . .	59
Пёстрые заметки	61
Клуб смекалистых ребят . .	63

На 1-й странице обложки рисунок художника В. Гальбы «Воздушный десант».

На 2-й странице обложки фоторепортаж «Годы и дела пионерские».

На 3-й странице обложки фотоснимок «Десятилетний «ветеран»».

На 4-й странице обложки рисунок художника Ю. Шабанова «Лето».

Редактор В. Л. БИАНКИ

РЕДКОЛЛЕГИЯ: Н. А. Внуков, И. Л. Дворкин, К. И. Курбатов, В. Н. Сулов (редактор-составитель)

Адрес редакции: Ленинград (191023), Фонтанка, 59, комн. 444, телефон 12-87-55

Сдано в набор 21/VI 1971 г. Подписано к печати 4/VIII 1971 г. 4 п. л. М-44523. Зак. № 255. Формат бумаги 70×108¹/₁₆. Цена 10 коп. Тираж 75 000 экз.

Ордена Трудового Красного Знамени типография им. Володарского Лениздата Ленинград, Фонтанка, 57

ЦЕНА 10 КОП.